

Игорь Рабинер

Леонид Слуцкий. Тренер из соседнего двора

Легенды спорта (Эксмо)

Игорь Рабинер

**Леонид Слуцкий. Тренер
из соседнего двора**

«Эксмо»

2016

УДК 796.332(092)(470)
ББК 75.578

Рабинер И. Я.

Леонид Слуцкий. Тренер из соседнего двора / И. Я. Рабинер —
«Эксмо», 2016 — (Легенды спорта (Эксмо))

ISBN 978-5-699-89126-9

Книга о главном тренере ЦСКА и сборной России по футболу Леониде Слуцком, вышедшая из-под пера ведущего спортивного журналиста и писателя России Игоря Рабинера, доказывает: этого вроде бы такого публичного человека мы вообще не знаем. Одна лишь история его работы в волгоградской «Олимпии» – от набора ребят, двое из которых стали бронзовыми призерами Евро-2008, до предательства лучшего друга и сожженной машины тренера – захватывающий детектив. Полтора десятка собеседников Рабинера – от самого Слуцкого и его мамы до президента ЦСКА Евгения Гинера – восстанавливают всю драматичную картину превращения 22-летнего волгоградского аспиранта, захотевшего учить детей играть в футбол, в сильнейшего тренера страны, в первого в истории босса сборной, не игравшего на профессиональном уровне. А уникальные фото из домашнего архива делают картину еще более полной. Это не просто биография, а документальный роман.

УДК 796.332(092)(470)

ББК 75.578

ISBN 978-5-699-89126-9

© Рабинер И. Я., 2016

© Эксмо, 2016

Содержание

Предисловие	7
Глава I	19
Глава II	41
Конец ознакомительного фрагмента.	67

Игорь Яковлевич Рабинер

Леонид Слуцкий. Тренер

из соседнего двора

© Рабинер И., 2016

© Оформление. ООО «Издательство «Э», 2016

* * *

«Слуцкий для меня – второй отец. И в этой книге он именно такой, каким я его знаю с 11 лет, когда приехал к нему в волгоградскую «Олимпию». Роман Адамов, лучший бомбардир чемпионата России 2007 года, бронзовый призер чемпионата Европы 2008 года

«Сын Слуцкого Дима так отозвался обо мне в этой книге: «Очень крутой чел». Вот и я скажу: «Очень крутая книга». Василий Березуцкий, защитник ЦСКА и сборной России, пятикратный чемпион России, обладатель Кубка УЕФА, бронзовый призер Евро-2008

«Эта книга рекомендуется и тем, кто наивно думает, что знает про Слуцкого всё, и даже тем, кто не хочет о нем что-либо знать! Потому что с первых же страниц это желание у последних появится. Даже самый нелюбознательный субъект погрузится в мир Слуцкого и захочет понять, как человек, не игравший в футбол профессионально, стал главным тренером сборной России.

В нашей стране к интеллигентным людям тут же приклеивают ярлыки – тряпка, хлюпик, размазня. Из книги становится ясно, что Леонид Викторович – абсолютно другой. Жесткий и волевой, чему поспособствовала вся его судьба. Из биографии Слуцкого следует важный вывод: готовность полезть на дерево за кошкой является необходимым, но недостаточным условием для того, чтобы стать тренером команды-чемпиона и сборной страны.

Я увидел портрет именно того Слуцкого, с которым лично знаком еще со времен ФК «Москва», – обаятельного, остроумного, толерантного. А ближе сошлись в 2010 году, когда я полетел вместе с любимым ЦСКА на победный матч 1/8 финала Лиги чемпионов в Севилью. В самолете много общались, и он проявил поразительную осведомленность в том числе о тех моих коллегах по профессии, кого уже давно нет в живых. С ним интересно говорить обо всем!

Из книги узнал и массу нового, в первую очередь о малоизвестных главах его жизни – детстве, «Олимпии», «Уралане». А еще у меня возникло огромное желание познакомиться с его мамой. Если бы не представлял устройство психики Слуцкого, то воскликнул бы: «Куда торопиться с книгой, давайте дождемся хотя бы лет 60!»

Но это логика из нашего советского прошлого, а Леонид Викторович – человек абсолютно новой формации. У него и судьба особенная, и характер ни на кого в российском футболе не похожий. Он заслуживает такого раннего

для тренера внимания, к которому в силу своего интеллекта, не сомневаюсь, отнесется адекватно».

Михаил Грушевский, пародист, шоумен, телеведущий

«Рабинер превзошёл самого себя. История успеха Леонида Слуцкого, написанная одним из лучших журналистов страны, должна стать настоящим блокбастером».

Илья Казаков, журналист, писатель, пресс-атташе сборной России в 2005–2015 годах

«Раньше были футболисты, которых называли парнями из соседнего двора. Гламуризация спорта привела к тому, что таких почти не осталось, да и само понятие исчезло из обихода. Но Рабинер заставил о нем вспомнить. Эта книга – история человека из народа, в чьих мечтах и разочарованиях, падениях и успехах – словно частичка нашей собственной жизни».

Дмитрий Фёдоров, спортивный телекомментатор, писатель

«О Слуцком непросто написать так, чтобы отразить его неординарную личность в полной мере. Недаром он вызывает неподдельный интерес у всех – и у домохозяек, и у министров. Человек без игроцкого прошлого становится лучшим тренером страны. Как это вышло? Чем он не похож на других?

Леонид Викторович интересен мне с первых шагов своей профессиональной карьеры. Поэтому смею утверждать: знаю, что сделало его таким. Он очень образован и грамотен. Очень воспитан.

Все это позволяет ему и быть блестящим аналитиком, и уметь выстраивать отношения с игроками и руководством. Он умен. Это позволяет ему не повторять ошибок – своих и чужих.

Слуцкий – человек, который сделал себя сам. Как это происходило – увлекательно рассказано в книге Игоря Рабинера, которая и его личность объемно отразила, и написана так легко и в то же время со смыслом, что будет интересна всем – от домохозяек до министров».

Валерий Непомнящий, главный тренер ФК «Томь», четвертьфиналист чемпионата мира 1990 года во главе сборной Камеруна

Предисловие

С лица необщим выраженьем

Эту историю рассказал мне Дмитрий Фёдоров, телекомментатор и один из самых близких друзей Леонида Слуцкого. Был день матча ЦСКА в Риме, в Лиге чемпионов, против «Ромы». Тянулись самые мучительные для любого тренера часы – последние перед отъездом на стадион, когда все уже подготовлено к игре и нечем себя занять.

Слуцкий коротал время в Интернете. И набрел на историю о девушке-инвалиде Елене Поповой – яростной болельщице ЦСКА, которая посещает каждый домашний матч команды, приветствует с братьями Березуцкими, несколько раз приезжала на базу в Ватутинки, привозила игрокам испеченные ею торты. И, передвигаясь на коляске, порой находит в себе силы даже ездить на гостевые игры. Тренер ее знал.

В интервью она рассказывала о том, что обожает капитана «Ромы» Франческо Тотти. Журналист спросил: «Что бы с вами было, если бы после матча с «Ромой» Слуцкий позвонил вам и сказал: «Лена, это Леонид Викторович. У меня есть для вас футболка Тотти». Она ответила: «Я бы, наверное, умерла от счастья».

Слуцкий это прочитал. Потом был матч на «Стадио Олимпико» – наверное, худший за всю историю выступлений тренера в Лиге чемпионов. 1:5. Зная, что каждое, даже самое заурядное, поражение в карьере для него – маленькая смерть, не могу даже представить, что он чувствовал в те минуты. Это была вселенская катастрофа.

Но о Лене он не забыл. И после финального свистка попросил массажиста Михаила Насибова сходить в раздевалку «Ромы» и взять игровую футболку Императора, как называют Тотти болельщики. А потом команда прилетела в Москву, и тренер позвонил болельщице с теми самыми словами...

Леонид Викторович не рассказывал об этом случае даже друзьям. Лена сама поделилась своим счастьем со знакомым журналистом.

В этой истории – настоящий Слуцкий. Человек, который погружен в творческий процесс с головой, не зная, где у него дома чашки для чая (об этом мне рассказывала его мама Людмила Николаевна), но при этом не утратил способности пропускать через себя чувства людей – счастье, боль, надежду, страдание. И если у него есть возможность доставить хорошему человеку такую вот маленькую радость – он обязательно сделает это.

Поэтому я очень рад, что Слуцкий возглавил сборную России и повезет ее, даст бог, не только на Euro-2016, но и на домашний чемпионат мира-2018. Этот человек не смотрит на окружающий мир, на нас с вами, сверху вниз. Он слишком хорошо воспитан, образован, начинен юмором и самоиронией, чтобы его распирало от ощущения собственной значимости. Когда он выигрывает, то никогда не говорит «я». Более того, его воротит от тех коллег, которые относятся к профессии и футболу именно так.

Когда после важнейшей (как оказалось – решающей) победы нашей команды над сборной Швеции в первом отборочном матче под руководством Слуцкого в его адрес полился хор славословий, он на пресс-конференции перед следующим матчем в Лихтенштейне ответил четверостишием из стихотворения Редьярда Киплинга «Завет»:

Умей мечтать, не став рабом мечтанья,
И мыслить, мысли не обожествив;
Равно встречай успех и поруганье,
Не забывая, что их голос – лжив.

И добавил, что эти строки для него – определяющие в тренерской профессии. Думаю, что и в жизни вообще. Иначе он, выведя сборную во Францию-2016, не сказал бы в телеинтервью: «Сборная больше дает мне, чем я – ей». И все, кто знает Слуцкого, уверены: в эту секунду он не рисовался и не кокетничал. Сборная действительно стала для него новым источником вдохновения.

Но ведь в известности, которая для него вышла теперь на совершенно новый уровень, есть и обратная сторона. Та, что меняет многих. И далеко не только по их собственной вине – но и по нашей тоже. Почему-то в России не умеют уважать право людей на личную жизнь. Нам не хватает деликатности, мы убеждены, что уж если увидели поблизости какую-то знаменитость, то обязательно должны дать ей знать о себе. Потому что нет в мире никого важнее себя, любимого...

Послушайте маму Слуцкого:

«После Нового года мы из Австрии прилетели. Выходим в Шереметьеве – и идет развязный молодой человек в желтой аэропортовской жилетке. Чем-то он в зале прилета занимался. И кричит: «О, Слуцкий! ЦСКА – чемпион!»

Лёня идет молча, у нас два чемодана – один у Димки, другой у него. А этот рядом, не отстаёт. И говорит без умолку: «Ну вот почему вы проиграли «Крыльям»? Могли же там зацепить! А там, а сям...» Тут же перешел на «ты»: «А вот знаешь, там надо было выпустить этого».

Леонид молчит. А мы с Димкой идем сзади. Внук мне показывает жестом: «Бабушка, вот бы сейчас пендала ему дать!» Знаете, как мне хотелось сказать этому субъекту про бескультурье, бесцеремонность. А Лёня ни одного слова не вымолвил. До машины было недалеко, молча прошли. Как же ему хватает терпения! Я бы не выдержала.

Когда культурные люди – это другое дело. Мы часто в театрах бываем. Там люди очень скромно подходят: «Извините, а нельзя ли было бы...» Вот таким он ни разу не отказал – ни в фотографии, ни в автографе».

Подите вообще найдите другого футбольного тренера, который на пресс-конференции сегодня читает стихи! Это ремесло (которое на самом деле – творчество, объединяющее в себе множество сложнейших профессий) больше ассоциируется у нашего обывателя с героем Михаила Галустяна из скетч-шоу «Наша Russia» – тренером команды «Газмяс», у которого есть лишь две формы общения со своими футболистами: рукоприкладство и мат.

Но в том-то и секрет успеха Слуцкого, что он – не такой, как все. «С лица необщим выраженьем», как писал поэт. Потому-то ему и удалось стать первым главным тренером в истории нашей сборной, который не зарабатывал деньги профессиональной игрой в футбол. И оттого его приход в национальную команду тоже стал революцией. А выход с ней на чемпионат Европы – тем более.

Почему-то до этого люди у нас были уверены: чтобы стать хорошим тренером, нужно обязательно иметь опыт игры в футбол на высоком уровне. Умение качественно пинать мяч подменяло собой масштаб личности, образование, интеллект, тягу к знаниям, способность не кувалдой, а тонкими инструментами управлять коллективом разношерстных и амбициозных людей. Поэтому в глазах коллег Слуцкий начинал не с нуля, а с минус бесконечности, и в тренерскую «тусовку» его приняли далеко не сразу.

Осенью 2005 года большая группа российских тренеров по инициативе владельца «Челси» Романа Абрамовича (который теперь со Слуцким регулярно общается и с большой симпатией к нему относится) поехала в Лондон для знакомства с тогдашним боссом «синих» Жозе Моуринью. Человеком, чья судьба чем-то схожа с судьбой Слуцкого – что и побудило

генерального менеджера ФК «Москва» Юрия Белоуса, когда он внезапно назначил 34-летнего волгоградца главным тренером «горожан», публично окрестить его «нашим Моуринью».

Смешки матерых коллег на этот счет сопровождали Слуцкого ровно до того момента, пока группа не приехала на базу «Челси». Тренеров, одетых в костюмы, выстроили в ряд. К ним вышел португалец – в банном халате и шлепанцах. И вдруг, увидев Слуцкого, с которым познакомился несколькими месяцами ранее, подошел к нему и с возгласом «Лео!» обнял.

*«Это подчеркнуло его статус белой вороны и какую-то удивительную **инаковость** Леониды, – говорит журналист и писатель, многолетний пресс-атташе сборной России Илья Казаков. – Молодой, в России еще не котиrowался – и тут сам Моуринью, на которого все молились, к нему подошел».*

Тот момент стал символом. Нет, не будущих успехов – хотя, может, и их тоже. И не схожести с Моуринью, которая на самом деле отсутствием опыта профессионального футболиста и ограничивается. Люди они абсолютно полярные.

А стало это публичное, на глазах у обалдевших коллег, приветствие Моуринью символом того самого «лица необщего выраженья». По формальным-то достижениям Слуцкий еще больше пятилетки оставался на фоне многих других никем.

Как раз в те годы сборную России на целое десятилетие возглавили иностранцы. И не по чьему-то распоряжению. Так в тот момент распорядилась сама жизнь – и сделала это во многом справедливо.

Прошло десять лет. И с 2006-го, когда в нашу национальную команду приехал первый в ее истории тренер-легионер Гус Хиддинк (с которым она и добилась лучшего пока в истории результата – бронзы Euro-2008), стрелка футбольных часов сделала полный оборот. На определенном этапе это нам было очень нужно – все лучшие на тот момент отечественные специалисты себя в национальной команде попробовали, а некоторые пошли по второму кругу. Хуже того, было ощущение, что уважаемые люди старшего тренерского поколения варятся в собственном соку, что у них исчез свежий и непредвзятый взгляд, что они погрязли в местечковых разборках и интересах, подняться над которыми не в состоянии. И не обойтись без взгляда со стороны – абсолютно независимого и незамыленного.

С тех пор выросло новое поколение тренеров, безусловным лидером которого и стал двукратный чемпион страны во главе ЦСКА. Это поколение не отстает от зарубежных коллег в тактическом оснащении – благо информационное пространство ныне открыто и всяк, кто алчет каких-то знаний, их легко получит. А уж тем более – золотой медалист, обладатель красного диплома и кандидат наук Слуцкий.

Это поколение уже давно зарабатывает не те копейки, которые ранее сподвигали кого-то искать параллельные источники доходов (в 1990-е – начале 2000-х футбольный люд многозначительно шептался на эти темы). Более того, многие возрастные тренеры, уязвленные ставкой на иностранцев (в какой-то период характерной не только для сборной, но и для большинства клубов), сбросили шоры и занялись саморазвитием.

И вдруг оказалось, что лидер нового поколения не то что не отстает, а превосходит многих маститых зарубежных коллег в умении наладить современный и гибкий контакт с игроками. Контакт, основанный на уважении и индивидуальном подходе, а не на страхе, больше свойственным как раз Капелло – тренеру более «советскому», чем многие россияне. Недаром Василий Березуцкий сказал: *«Снято излишнее напряжение, вызывавшееся тем, что за малейший шаг в сторону можно было ждать расстрела. Все спокойны, никто теперь не ощущает на лбу красную точку от прицела».*

Уже упомянутый мною выше Дмитрий Фёдоров вспоминал:

«Уже вскоре после знакомства, когда он только начал работать в «Москве», я искренне считал, что Слуцкий станет выдающимся тренером, а может, даже великим. Почему? На мой взгляд, в любой сфере человеческой деятельности великие должны ломать шаблоны.

А Слуцкий – очень нестандартный человек и тренер. Он необычно себя ведет, у него необычная для человека этой профессии речь, необычные принципы. Всё не так, как у большинства других тренеров. Для него деньги не играют важной роли, тогда как для подавляющего большинства спортсменов и тренеров они – на первом месте. Поэтому, как только я понял, что он живет, работает, даже выглядит вопреки всем существующим стереотипам, пришел к выводу, что рано или поздно этот человек добьется успеха. И думаю, что это будет больший успех, чем чемпионские титулы ЦСКА».

Дай-то бог. У него и позади, и впереди еще сотни побед и поражений, из которых состоит карьера любого тренера. Но лично для меня важны не только трофеи – хотя, конечно, и они тоже. Но и то, что выражается в древней японской мудрости, которую я когда-то вычитал у Бориса Акунина: «Благородный муж терпит поражение, только если перестает быть благородным мужем».

За это Слуцкого и уважают. В частности, его футболисты, контакт с которыми для него – главное. Когда мы беседовали с ним шесть лет назад, он, тогда еще «бестрофейный», высказал мысль, для тренера почти невероятную:

«Если бы завоевание титулов означало тяжелые отношения с игроками, которые Олег Романцев в свое время обозначил термином «резать мясо»... То, наверное, я бы не сделал выбор в пользу титулов. Может быть, это и делает меня человеком без титулов, по крайней мере на данном этапе. Но буду надеяться, что это не так. Работа в ЦСКА даст ответы, поскольку в «Крыльях» или «Москве» титулы было выигрывать крайне сложно».

Жизнь показала, что одно и другое – совместимо. Золотая медаль, которую Слуцкий заслужил по итогам учебы в школе, почти четверть века спустя превратилась в золотую медаль тренера-чемпиона России. А может, и во что-то большее. Потому что, когда выигрывает человек с философией, в которой средство важнее цели, – это особенно значимо.

Нет, он далеко не Иисус Христос. Вторую щеку, получив по первой, не подставляет. Кто считает его мягкотелым размазней – сильно ошибается. Не раз за время работы над этой книгой я слышал о Слуцком мнение, которое четче всего сформулировал президент ЦСКА Евгений Гинер:

«Есть очень много людей, которые интеллигентность принимают за слабость. Мне так не казалось никогда. Внешность обманчива. Леонид Викторович – не мягкая игрушка. Между жесткостью и жестокостью – пропасть. В жестокости обвинить Слуцкого не могу. А жесткость в каких-то вещах нужна, иначе иной человек не поймет».

Неправы и те, кто считает, что он изначально был податлив и слабохарактерен. Вот что говорит по этому поводу форвард Роман Адамов – человек, которого Слуцкий с детского возраста воспитывал в волгоградской «Олимпии», а затем сделал в «Москве» лучшим бомбардиром чемпионата России и бронзовым призером Евро-2008. Более того, Адамов – крестный отец Димы, сына Слуцкого. Кому как не ему, знающему тренера с молодости и видевшего его на всех этапах развития, говорить о нем и как о тренере, и как о человеке.

«Есть два разных Слуцких – в общении и работе, – считает Адамов. – В общении он кажется мне одним из самых легких людей, которых вообще можно встретить в жизни. А в работе при всей внешней мягкости могу охарактеризовать его словом «боец». А еще – «человек, который сделал себя сам».

Он толком не играл в футбол. С самого низа, с детской школы в Волгограде прошел все этапы в жизни и вырос в главного тренера сборной России. Мне кажется, только человек с очень сильным характером и бойцовскими качествами может пройти такой путь. Какими бы ни были талант и знания.

То, что он не может на кого-то накричать, даже, когда нужно, матом, – это иллюзия. На самом деле Слуцкий – достаточно жесткий тренер, и я это знаю по себе с детства. Эта требовательность была в «Олимпии», «Москве», «Крыльях» – и уверен, что на уровне сборной России осталось все то же самое. Просто уровень ответственности совсем другой.

Конечно, он не будет сейчас стульями в раздевалке бросаться или мячом, как когда-то в «Уралане» в юного Колодина. Но своими доводами, убеждениями Леонид Викторович может бить гораздо сильнее. О некоторых тренерах говорят: «жесткая рука». На самом деле у Слуцкого – то же самое. Может быть, в методе Викторовича, главное слово в котором – «уважение», требуется больше времени и усилий. Зато и результат этого метода – долгосрочный. Люди ему верят».

«Да не было у него никогда неуверенности!» – восклицает Людмила Николаевна. – Зато было и есть воспитание. Лёня не может лезть вперед и кричать: я лучший, я первый! Некоторые люди прут как танки – но это не про сына. Он в жизни и в карьере пошел другим путем. Путем завоевания к себе уважения».

Слуцкий меняется. И, представьте, ожесточается. И сам признается в нашей беседе:

«Футбол и работа в нем сделали меня намного жестче, чем я был. Отношусь к этому как к неизбежности. Потому что если не буду десять раз за день произносить слово «нет», то просто не смогу работать на этом уровне. Меня постоянно о чем-то просят, чего-то от меня хотят. Я очень сильно изменился, это безусловно».

Тут-то я и вспомнил давнюю блестящую формулу английского происхождения: «железная рука в бархатной перчатке». И спросил Слуцкого, применима ли она к нему.

«Да, это не только красиво звучит, но и соответствует истине. Я действительно в последнее время стал очень четко делить людей и время – на кого и на что могу тратить или нет. И на все, что, в моем понимании, пойдет в минус моей основной работе и связано с каким-то, извините, геморроем, я очень жестко говорю «нет». И очень жестко расстаюсь с людьми...»

Врач-психолог Виктор Неверов, который сотрудничает со Слуцким во всех его командах, начиная с «Москвы» и вплоть до сборной, подтверждает:

«Есть имидж, а есть зерно человека – то, что на самом деле. Зерно проявляется именно в напряженные моменты, когда все «красивости» отлетают и остается суть. А по сути Слуцкий – это жесткий, настойчивый человек. Пробыть из тренеров команды мальчиков Волгограда во взрослую сборную России... Если бы он был таким рефлексивным, каким его представляют, – ничего этого не было бы.

Это как спортивный костюм, в котором он ходит во время игры, но легко может сменить его на гражданский, если заставит дресс-код. Оболочка, маска. А за этой маской стоит человек, который четко знает себе цену и идет к поставленной цели. И всегда знал.

На самом деле это человек очень жесткий, рациональный, моментами даже достаточно холодный. У него четко расставлены по полочкам цели, задачи. А имидж позволяет делать так, чтобы при определенных обстоятельствах эти качества недооценивали. Порог толерантности у Слуцкого достаточно высок, но если зашкалит...

Вспоминается, как он в бытность тренером «Олимпии» врезал арбитру, который «убивал» его команду. Я бы не хотел оказаться на месте этого судьи. Слабый человек всячески уходит от конфликтов, боится их. У Слуцкого этого нет. Взять то же расставание с Сергеем Шустиковым...

Судя по интервью, Шустиков очень тонко уловил одну черту характера своего бывшего босса. До тех пор, пока ты ему помогаешь, – будешь в фаворе. Как только начинаешь ему мешать, нарушать правила, – возиться с тобой не будет. Какими бы ни были отношения раньше».

Мы говорили с Неверовым, когда Шустиков был еще жив.

Но другую черту Слуцкого-человека показало прощание с его бывшим ассистентом, который внезапно умер в первые дни 2016 года. Несмотря на то, как они разошлись, Слуцкий позвонил вдове Сергея и долго с ней говорил, а затем пришел на панихиду. И не надо говорить, мол, был обязан и прочие подобного рода банальности. В реальной жизни далеко не всегда происходит так, как того требуют абстрактные обязательства.

Просто Слуцкий – из тех людей, для кого есть нормы человеческой цивилизованности и воспитания, которые он никогда не преступит. И хотя речь идет о человеке, который, вспылившись, дал пару обидных интервью, связывало главного тренера ЦСКА и сборной с ним очень и очень многое. И, по собственному признанию Леонида Викторовича, эта боль с ним останется навсегда.

Но эта боль – человеческая, а не профессиональная. О принятом решении он не жалеет.

Работая над этой книгой, общаясь с самим Слуцким и еще пятнадцатью близко знающими его людьми, я вдруг понял: нам же о нем очень мало известно. То, что выплывало на публику в «Москве», «Крыльях», ЦСКА, – лишь крохотная верхушка айсберга. А вся его жизнь, то, что сделало его таким, – под водой. Взять хотя бы восемь лет в первом его клубе, волгоградской «Олимпии». Подавляющее большинство болельщиков знают лишь факт, что он там работал. Голую строчку из резюме.

Но стоило копнуть глубже – и стало понятно, что это была невероятная, головокружительная жизнь с такой синусоидой судьбы от счастья и побед до предательства лучшего друга и бандитских «наездов», что о ней впору писать отдельный роман. И в «Олимпии», как и во всех других своих клубах, Слуцкий падал так, что любой другой не встал бы. Так же как он упал в 18 лет с дерева, куда полез за соседской кошкой, и потом год лежал в многоместной палате обычной волгоградской больницы...

В 1993 году 22-летний аспирант Волгоградского института физкультуры Слуцкий пришел тренировать детишек в затрапезную местную ДЮСШ-11, в которой сам когда-то занимался футболом. С разрушенным стадионом, вообще без раздевалок. Он сам писал от руки объявления о наборе, а мама ходила и расклеивала их по окрестным подъездам.

Ему тогда и в самых смелых грезах не могла присниться национальная сборная. Он был тренером из соседнего двора. Таким можете быть вы, я, кто угодно. За его плечами не было ни мало-мальски известного имени, ни хотя бы минимальной карьеры футболиста. А потом он проделал невозможный путь, который привел его на тренерскую скамейку сборной России на Euro-2016.

А всего девять человек, которыми выходил на поле его обнищавший «Уралан»? А увольнение из «Москвы» после рекордного в ее истории четвертого места? А печально знаменитый матч «Терек» – «Крылья Советов», после которого рассыпалась замечательная самарская команда – лидировавшая в чемпионате, но тоже нищая, как церковная крыса? А майки болельщиков ЦСКА «Лёня, уходи!»?

О каждый из этих рифов легко могла разбиться лодка тренерской карьеры Слуцкого. И обо всем подробно и откровенно рассказали для этой книги и он сам, и его мама с сыном, и ближайшие друзья, и люди, с которыми он все эти годы работал, – президенты «Олимпии», «Москвы», ЦСКА...

Все они едины в одном: в нашем изуродованном современном мире, где человеческие отношения все больше подменяются количеством нулей на счетах и в карманах, Слуцкий – один из тех редких экземпляров, для которого деньги определяющей роли в жизни не играют. Правда, Гинер в нашем разговоре уточнил:

«Не соглашусь с тем, что деньги имеют для кого-то второстепенное значение. Я не верю в альтруизм. Вернее, верю, но только если это волонтерство в больницах, уход за больными и престарелыми людьми. А в других случаях альтруизм ненормален. Человек не может и не должен работать бесплатно. Просто, в моем понимании, есть две категории людей. Есть рабы денег. А есть люди, которые тоже хотят зарабатывать, и чем больше – тем лучше. Но для того, чтобы было легче жить. Чтобы условный вопрос, на что купить ребенку школьную форму, не мешал работать. Вот Леонид Викторович – из таких, а не из рабов денег».

В 2010 году, когда Слуцкий только начал работать в ЦСКА, мы обсуждали его отношение к деньгам. Тренер высказался так:

«По-прежнему отношусь к ним крайне спокойно. Главное – чтобы ребенок мог ходить в хорошую школу, изучать языки, в будущем учиться в приличном вузе. Деньги важны только потому, что у меня сейчас ответственность не только перед собой. А так... Этап, когда я тренировал «Олимпию» и ездил на троллейбусе, был для меня таким же счастливым, как и сегодняшний, когда я езжу на хорошей машине с водителем тренировать ЦСКА. Всё равно мысли – о другом. Я часто хожу в театр, но даже на спектаклях ловлю себя на том, что пытаюсь перенести поступки героев на своих футболистов, на человеческие отношения в команде...»

Теперь он идет еще дальше:

«Деньги для меня вообще не важны. Несколько лет назад я поймал себя на ужасной мысли, что у меня вообще нет материальных желаний. На самом деле, мне кажется, это плохо, потому что каждый человек чего-то хочет. Может, это возрастное. Но все необходимое у меня есть, а что-то большее... Мне это просто неинтересно.

Если у меня нет хотя бы минимального внутреннего комфорта или удовлетворенности, я не смогу работать на этом месте, даже если мне предложат сто миллионов. А если оно есть, то могу вообще бесплатно или даже сам готов доплачивать».

Ему интересно творить и не отвлекаться на бытовуху. Очень точно эту мысль сформулировал музыкант и поэт Александр Розенбаум. Так сказать о человеке, с которым почти не знаком – они со Слуцким лишь однажды здоровались на 50-летнем юбилее Гинера, – может только художник. Человек, который видит насквозь.

«Мы все любим деньги. И я, и вы, и Слуцкий. Но как средство, а не как цель! А такие контракты, как у Фабио Капелло, в цель их и превращают...»

Прошлой осенью, вскоре после выхода сборной на Euro-2016, я побывал на ежегодном концерте Розенбаума в Театре Российской армии. И знаменитый артист, который в свои 64 выдает на сцене три часа такой фантастической выкладки, какой позавидует и 20-летний, между песнями сказал добрые слова о Слуцком. Зал разразился овацией.

Взгляд со стороны, причем именно со стороны творца, всегда важен. И Розенбаум, врач по образованию и первому месту работы, дал главному тренеру сборной такой личностный «диагноз»:

«По всему, что Слуцкий делает и как себя ведет, считаю, что он – правильный мужик. Совершенно не ангажированный. Думающий – что видно по лицу. Переживающий – что видно по реакциям. Как качается на скамейке, как выбегает на поле после гола. Он живет по-настоящему, не колотит понты.

Глядя на его раскачивания, всегда вспоминаю Лобановского. В этом смысле они с ним в одной упряжке. Надеюсь, и по достижениям будут тоже. Знаете, можно быть нервным на лавке, но не в жизни – и это как раз о Слуцком. Ты можешь прикрикнуть, но должен оставаться последовательным человеком. У Слуцкого, который в своих командах, как и я, делает ставку на опыт, это качество вижу. Как и стремление, чтобы тебя слушали не из-за страха, а из-за авторитета».

Такое же стремление было и остается у Вячеслава Быкова – известнейшего нашего хоккейного тренера, спустя 15 лет паузы завоевавшего для России титул чемпиона мира, причем два раза подряд. И не случайно они со Слуцким испытывают друг к другу взаимную симпатию.

«Слуцкий и Быков, насколько мне известно, знакомы шапочно, – рассказывает Дмитрий Фёдоров. – Встречались всего пару раз в жизни. Но они всегда поздравляют друг друга с победами и с праздниками. Причем, когда с Быковым не подписали новый контракт в сборной и в «Салавате Юлаеве», когда он остался вне хоккея, Слуцкий при каждой встрече интересовался у меня его судьбой и спрашивал: «Что у Быкова? Почему он не находит работу?» Мне кажется, у них есть какая-то внутренняя связь. Положительные, культурные люди. Добиваются результата через личностные контакты с подчиненными. Не позволяют себе хамства в отношении игроков, журналистов, болельщиков».

Раз уж заговорили о хоккее – вот какая история. Когда в 2013 году Слуцкий впервые выиграл чемпионат России, а потом еще и Кубок, после чего был признан лучшим тренером года в стране, я спросил его, мечтал ли он когда-нибудь стать прототипом тренера – героя суперкассового фильма, как Анатолий Тарасов в «Легенде № 17».

Слуцкий, по-моему, даже отшатнулся. И уж точно покраснел.

«Ой... Как можно даже думать о таком? Когда мне задают ставший уже банальным вопрос, хотел бы я когда-то возглавить сборную, всегда абсолютно честно отвечаю, что не задумывался об этом. А уж то, о чем вы сказали... Это совсем уж глобально. Таких, как Тарасов, людей, олицетворявших нацию, не то что в профессии – в истории человечества единицы».

О фильме, кстати, читал разные рецензии, но он мне понравился. Это не документальный фильм! И лично мне, когда я его смотрел, было абсолютно не важно, болел Брежнев за «Спартак» или за ЦСКА, Тарасов являлся главным тренером сборной или Чернышёв, Харламов был первой звездой Суперсерии 1972 года против канадцев или Якушев, могли ли игроки висеть на тросах в Чебаркуле на огромной высоте или нет. Фильм меня захватил, я смотрел его на одном дыхании и с огромным удовольствием. И был горд за соотечественников. У меня и так высок уровень патриотизма, а тут он просто зашкаливал».

Кстати, я ходил на «Легенду № 17» в кинотеатр с сыном. И ему, кстати, очень понравилось тоже. На нем, тогда восьмилетнем, интересно было проверить впечатление. И он переживал, хлопал, когда наши забивали голы... А дети на фальшь не среагируют».

Тут в строку придется наблюдение известного болельщика ЦСКА, пародиста Михаила Грушевского: *«По своей природной интеллигентности Слуцкий ближе к Аркадию Ивановичу Чернышёву, которого умудрились забыть создатели фильма «Легенда № 17».*

А Тарасова в той картине играл Олег Меньшиков, недавнее знакомство с которым стало одним из самых значимых для Слуцкого событий за последние годы. Его мама рассказывала мне, что «Покровские ворота» он может иногда пересматривать несколько дней подряд, а фразы меньшиковского Костика и других героев у него как от зубов отскакивают. И у его футболистов, соответственно, тоже...

«Лёня говорит: «Мам, разве я когда-нибудь думал, что смогу с Меньшиковым вот так разговаривать?» – рассказывает Людмила Николаевна. – Отвечаю: «Сынок, сегодня ты тоже достаточно узнаваемый, даже знаменитый человек. Ты не думаешь, что Меньшикову такое знакомство тоже приятно? И что он сам может сказать: «Никогда не думал, что с главным тренером сборной России по футболу буду на «ты» разговаривать?»»

Нет, он так не думает. По-моему, он до сих пор не верит, что все происходящее – правда. Что Меньшиков оказался страстным болельщиком ЦСКА. Что после того, как они познакоми-

лись на юбилее у другой известной поклонницы армейского клуба из актерского мира – Натальи Селезневой, – Меньшиков стал оставлять ему билеты на спектакли, а Слуцкий худруку театра имени Ермоловой – билеты на футбол. И что после спектакля «1900» Леонид Викторович и его друзья зашли к Олегу Евгеньевичу в гримерку. И что теперь у Слуцкого есть возможность записывать видеопоздравления с днями рождения таким своим кумирам, как Меньшиков и Леонид Куравлев, – и их показывают по Первому каналу...

«Он мне так радостно рассказывал об общении с Меньшиковым! – делится впечатлениями Илья Казаков. – И эта радость была не оттого, что его узнали и пообщались на равных. А потому что он получил возможность поговорить с человеком, которым он с детства и до сих пор восхищается. Несмотря на то что Слуцкий в Москве уже столько лет и общается с людьми очень высокого уровня, в нем по-прежнему жива вот эта непосредственная искренность. Смотреть на это приятно и удивительно».

Добавлю: глядя на это, понимаешь, почему и футбол он по-прежнему пропускает через себя каждой клеткой организма. У этого человека не огрубела кожа и не задубели чувства. И благодаря этому таким же неравнодушием пропитываются и его футболисты.

Недаром великий артист и еще один болельщик ЦСКА, 101-летний Владимир Зельдин, который видел в этой жизни все и всех, так ответил на вопрос моих коллег по «Спорт-Экспрессу» Юрия Голышака и Александра Кружкова, с кем из сегодняшних людей футбола хотел бы познакомиться: *«С Леонидом Слуцким. Он мне симпатичен. Сидит, качается, переживает...»*

Однажды Слуцкий пойдет на спектакль Зельдина. Но в гримерку зайти постесняется.

Зато Селезнева заглянет в чемпионскую раздевалку после золотого матча 2014 года с «Локомотивом» – и запросто сорвет со Слуцкого счастливую спортивную куртку. Заберет на память.

А сам Зельдин зайдет в раздевалку армейцев после одного из проигранных матчей. Подбодрит команду словами поддержки. Интересно, хоть один футболист осознал, что к нему только что обращался человек, который застал легендарную «команду лейтенантов» – ЦДКА 1940-х годов?

Многие наши футбольные тренеры снимали и снимают стресс водкой. Почти непьющий Слуцкий – искусством. Нет хорошего московского театра, где бы он не побывал, причем далеко не по разу. И друзья у него такие, с которыми можно подискутировать о спектакле или фильме, – после чего он и к футболистам идет с новыми идеями.

Однажды, в сложный для Слуцкого период, ему позвонил Дмитрий Фёдоров и сказал: «Тебе обязательно нужно посмотреть фильм «Гравитация». Я для себя решил, что в тяжелые моменты в жизни буду его пересматривать». Вскоре Слуцкий действительно пошел на этот фильм – и был под сильнейшим впечатлением. Теперь они с Фёдоровым часто вспоминают о «Гравитации». И им становится легче.

Слуцкий не стесняется станцевать в обожаемом им КВН на глазах у всей страны, а потом войти в жюри, ответить шуткой на шутку ведущего в «Вечернем Урганте», прийти к знатокам на «Что? Где? Когда?», прочитать написанный им (!) рэп на свадьбе Романа Адамова... Он живой и творческий человек, который раздвигает рамки футбола в глазах страны. То есть делает именно то, что так нужно перед домашним чемпионатом мира, – чтобы этой игрой заинтересовались все.

И у своих футболистов он всеми силами убирает какую бы то ни было зашоренность – насколько это, конечно, возможно. На свадьбу защитника Щенникова команда записывает целый фильм, и массовик-затейник Слуцкий восхищается актерскими способностями Игнашевича, Дзагоева и Мамаева.

«У футболистов есть огромное количество развлекающих игр, – рассказывает он. – Есть «Что? Где? Когда?». Есть «Мафия» – большие эмоциональная. А «Имаджинариум», Alias, «Эки-

воки» развивают воображение. Когда я с ними играю, то вижу, как они мыслят. Кроме того, все игры – командные. Совместное времяпрепровождение очень важно. Футболисты не сидят, условно говоря, и пиво пьют, а проводят время за интеллектуальным общением. Безусловно, так команда становится сильнее».

Слуцкий стал единственным человеком – по-моему, не только в мире российского спорта, но и политики тоже, – кто сумел с ходу разоблачить знаменитого пранкера Вована, регулярно и самыми изощренными способами делающего посмешище из абсолютно всех наших публичных фигур (разве что с первым лицом государства пока не пробовал, но такие шутки я бы ему шутить не советовал). Когда я спросил, как тренеру это удалось, он ответил:

«Легко. Наверное, я единственный, кто до этого слышал все его приколы, поэтому и раскусил. Он сразу поставил мне голос Бубнова, и там прозвучала памятная фраза: «Может быть, давай встретимся и один на один поговорим?» Кофе понятно, что это розыгрыш».

Кофе, может быть, и понятно, а вот почти все наши VIP-персоны на розыгрыши Вована покупались. Раскусив Вована, Слуцкий лишней раз продемонстрировал свой ум и широту интересов.

Как-то раз еще один замечательный артист, Валерий Баринев, так сформулировал суть своей любви к игре: *«Футбол – это сохраненное во мне детство»*. Слуцкий, по-моему, чувствует так же. Иначе разве произнес бы он такую фразу: *«Я понимал, что ЦСКА – это серьезно. Но не ожидал, что о моем назначении сообщит программа «Время». Причем не в спортивном блоке новостей. Для меня «Время» – рупор эпохи. И вдруг слышу свою фамилию. Круто!»*

Сборная – это даже не ЦСКА, а намного-намного жестче и серьезнее. Но когда в интервью после назначения Слуцкого журналист предупредил его о том, какое давление со стороны людей, не разбирающихся в футболе, на него отныне обрушится, тренер отреагировал так:

«Помните, в фильме «Москва слезам не верит» героиню спросили, как она справляется с тремя тысячами человек в подчинении. Она ответила: «Трудно с тремя, а когда трех научишься организовывать, дальше число уже не имеет значения». Вот что-то похожее. Если ты умеешь абстрагироваться от стресса, когда против тебя выступает многотысячная армия болельщиков ЦСКА, то, в принципе, «спасешься» и от многомиллионной армии поклонников сборной России».

Но лучше бы спастись не пришлось, Леонид Викторович. Разве только в том смысле, что все они разом захотят понести вас на руках...

Прошло уже 11 лет с момента нашего знакомства, а мы с ним, почти ровесники (он на два года старше), по-прежнему на «вы». И, думаю, это уже не изменится: внешние атрибуты отношений между людьми формируются и, как клей, затвердевают еще в самом начале общения.

Уникальность Слуцкого – и в этом тоже.

Представить себе другую подобную ситуацию в семейном мире российского футбола решительно не могу. Переход на «ты» в этой среде происходит либо сразу, либо очень быстро – как только между людьми начинается более или менее регулярное неформальное общение. «Вы» при долгом знакомстве может сохраниться только при значительной разнице в возрасте.

Но в том-то и дело, что Слуцкий вышел из несколько другого мира. Нет, разумеется, с этим самым «вы» все просто так сложилось. Могло и иначе. Но почему-то произошло это именно со Слуцким. Илья Казаков считает: потому что у него есть внутренняя интеллигентность, изначальное уважение к собеседнику. «Вы» – это не дистанция, а вежливость и воспитание. Ведь, рассказывают, даже с одним из ближайших друзей, спортивным директором ЦСКА Олегом Яровинским, Слуцкий так и не перешел на «ты»...

По-моему, он и к футболу готов обращаться на «вы». Игра для него так и не превратилась в работу, а осталась священнодействием. За день до матча он перестает реагировать на телефонные звонки – причем, как утверждает мама, чьи бы то ни было, будь то Мутко, Гинер или кто угодно еще. В день игры вовсе отключает мобильник. И лишь минут через двадцать после матча возвращается к реальной жизни. Да и то – если его команда выиграла...

Людмила Николаевна Слуцкая рассказала мне, что ее внука Диму ни в школе, ни в многочисленных спортивных секциях, в которых он занимался, никогда не задирали на тему папы. Потому что Слуцкий может проигрывать, но не может вызывать человеческого отторжения. Ни у детей, ни у взрослых.

«Плавали мы с Димкой на теплоходе, и там была большая семья – муж с женой, их дети, внуки. Когда они узнали, кто мы, младший из сыновей, лет тридцати, сказал: «Мы всю жизнь болеем за «Спартак». Но за судьбой Леонида я слежу, он мне очень интересен и как тренер, и как человек. Я и не думаю, что, если он тренирует ЦСКА, то я должен болеть против него».

Этот человек далеко не одинок. Удивительный, на самом деле, феномен: когда Слуцкого назначили в сборную, не было совершенно никакого негатива – со стороны «спартачей» ли, «зенитчиков» ли. Да вот послушать болельщиков из мира искусства – что поклонники «Спартака» Денис Мацуев и Михаил Ефремов, что почитатель «Локомотива» Баринов, что «зенитовец» Розенбаум болеют за Слуцкого, как за родного. Потому что все они не воспринимают его как тренера врагов, человека из другого лагеря!

Собирая материал для этой книги, я пришел к Слуцким домой, чтобы побеседовать с Людмилой Николаевной. На столе в кабинете ее сына лежала кем-то недавно подаренная книга «Русские, которые изменили мир. От Крузенштерна до Сахарова». Мне тогда подумалось: Слуцкий, конечно, не претендует на то, чтобы изменить мир вообще. Но грубый российский футбольный мир он уже хотя бы немного, но изменил.

Завершая наш многочасовой разговор, мама тренера сказала:

«Лёня – трудоголик. Он по-прежнему не стесняется учиться. Он спокойно может сказать, что в чем-то не прав или к чему-то не готов. Так что я люблю своего мальчика. Он у меня самый умный, самый талантливый, самый воспитанный, в общем – самый лучший. И он победит. Обязательно».

Вашими бы молитвами, Людмила Николаевна!

Автор благодарит за беседы для этой книги:

Леонида Слуцкого,

Людмилу Николаевну и Диму Слуцких,

Романа Адамова,

Юрия Белоуса,

Владимира Бубнова,

Евгения Гинера,

Виктора Горлова,

Илью Казакова,

Виктора Неверова,

Сергея Павлова,

Алексея Спирина,

Германа Ткаченко,

Дмитрия Фёдорова,

*Николая Чувальского,
Арнольда Эпштейна.*

Автор и издательство благодарят за предоставленные для книги фотографии: Леонида Слуцкого и его семью, Александра Фёдорова, Романа Адамова, Юрия Белоуса, Владимира Бубнова, Алексея Васильева, Виктора Горлова и Детскую футбольную лигу, Дмитрия Фёдорова, Федора Успенского, газету и интернет-сайт «Спорт-Экспресс», интернет-портал «Чемпионат».

Глава I

«Золото» для мамы

19 мая 2013 года. Только что судья Сергей Карасёв, «русский Коллина», финальным свистком в матче ЦСКА – «Кубань» превратил в факт первый чемпионский титул армейцев с 2006 года.

Совсем другой, чем те, что были в середине 2000-х.

Тогда-то, до прихода Газпрома в «Зенит», ЦСКА президента Евгения Гинера был самым богатым, влиятельным и мощным клубом России, а после выигрыша Кубка УЕФА в 2005 году – первого международного трофея в истории российского футбола – многие стали сдаваться красно-синим еще до игры. Команда главного тренера Валерия Газзаева брала свое с позиции силы. Недоброжелателей у нее было море, но brutальным победителям было на это наплевать. Трофеи стали для них рутиной, чем-то само собой разумеющимся, орешками, созданными для того, чтобы их щелкать.

Но с тех пор многое изменилось. И, как многим думалось, уже навсегда. В глубине души так казалось даже самим армейским игрокам. А уж когда в «Зенит», выигравший два чемпионата подряд, пришли еще и Халк с Витселем, в то время как у армейцев по осени в атаке некому было играть, кроме переделанного крайнего форварда Мусы...

И все же следующей весной чемпионом станет ЦСКА. Чемпионом вопреки. И будет закрывать от телекамер слезы в глазах вратарскими перчатками Игорь Акинфеев – по всеобщему мнению, человек без нервов, дважды в период между 2006-м и 2013-м рвавший крестообразные связки колена. Он очень рано начал играть и выигрывать, и истинную цену этих побед понял много позже. Но когда все-таки случится новое «золото», от былой надменности не останется и следа.

И пустит «скупую мужскую» стальной молчун Сергей Игнашевич. В одном из редких своих интервью он расскажет журналистам «Спорт-Экспресса» Юрию Голышаку и Александру Кружкову: *«После матча с «Кубанью» мы прыгали в центре поля. У меня от счастья текли слезы. Мамаев заметил, толкнул в бок Щенникова: «Жора, глянь. Брат, ты что, плачешь?» – «Да». На поле со мной такого не бывало никогда! Отыграв семь лет без «золота», понимаю, насколько ценны эти мгновения».*

А 42-летний главный тренер Леонид Слуцкий, одним махом сняв с себя поспешно и несправедливо навешенный на него ярлык «непобедителя», придет на пресс-конференцию и произнесет то, чего до него не говорил ни один главный тренер – чемпион страны.

«Хочу сказать огромное спасибо своей маме. Мамань, я тебя люблю. И эта победа – для тебя».

Овация сотрясла пресс-центр. И она была настоящей. Каждый журналист, каким бы прожженным и циничным он ни был, в ту секунду вдруг почувствовал себя маленьким мальчиком, которому хочется прижаться к маме и разделить с ней свою самую большую радость...

Мы с Людмилой Николаевной Слуцкой чаевничаем на кухне просторной квартиры в элитном комплексе «Алые паруса», где уже шестой год живет вся семья главного тренера ЦСКА и сборной России. От нее, человека открытого и душевного, исходит море тепла, интеллекта и обаяния. И она рассказывает:

«Вначале я не поняла. Знаете, как я смотрю футбол? Выключаю звук телевизора и хожу по квартире туда-сюда, бросая взгляды на экран. И только когда вижу, что либо мы

уверенно выигрываем, либо проигрываем так, что уже не отыгаться, сажусь и включаю громкость.

Вот и тут включила, когда все уже закончилось, – ведь счет до конца был 0:0. И на полужфразе услышала про себя! Пожалела даже, что нельзя перемотать пленку назад. А может, я вообще ослышалась? Но едва поняла, что нет, – как слезы полили!

Ведь живешь своей жизнью и не думаешь обо всем этом. Я-то всем говорю, что люблю их, – и Лёне, и внуку Димке. Тому – вообще каждый день. А когда сын звонит, всегда прощаюсь так: «Ну все, сынок, целую. Я тебя люблю». Но так, чтобы он мне говорил: «Мама, я тебя люблю, ты у меня самая-самая!» – такого нет. Просто знаю, что у него есть я. И вижу по отношению, как он меня воспринимает. Он правильный по жизни человек. И ребенок был такой же. Правда, мне казалось, что все так живут.

Но когда ЭТО услышала – совсем по-другому на своего сына посмотрела. В такой момент посвятить свой главный трофей мне... Я была к этому не готова. Даже и не подзревала, что такое может быть. Не всегда слова значат много. Но тут – значили. Конечно, мне было очень приятно. Я сильно плакала».

А потом начались звонки. Людмиле Николаевне наперебой звонили знакомые и из Москвы, и из Волгограда – там у Слуцких по-прежнему квартира, там похоронены бабушка и отец Леонида. И кричали: «Ну, ты слышала, что он тебе посвятил это чемпионство?!»

А она счастливо отвечала: «Конечно, слышала».

Рассказывая мне об этом, она добавляет то, что касается каждого из нас: «Говорите больше своим родителям, что вы их любите. Что помните, что скучаете, что вам их не хватает. Это приятно. Это нужно».

И голос у нее в эти секунды чуть-чуть дрожит.

А у вас бы не задрожал?

Амбициями Леонид пошел в маму – многолетнего руководителя лучшего детского сада Волгограда. Более 30 лет назад она построила в своем садике бассейн, сауну и соляную пещеру – нигде больше в городе такого и близко не было. Никто, собственно, ее к этому не принуждал – но у нее была потребность в том, чтобы на всех конкурсах первые места оставались за ней, чтобы все новшества апробировались у нее.

Ее мама Маруся, бабушка Лёни, тоже активнейшим образом его воспитывавшая (она оставалась с внуком, когда мама шла на работу), когда-то была учительницей начальных классов. То есть педагогика – причем начиная именно с детей – была предначертана Слуцкому судьбой.

Вот и телекомментатор Дмитрий Фёдоров, близкий друг тренера, считает так же: «Думаю, очень многое решается на генетическом уровне. У Леонида Викторовича мама – педагог. И хотя они очень разные, думаю, что от Людмилы Николаевны ему передалось умение управлять людьми, разговаривать с ними, даже заставлять их разными методами что-то делать. Полагаю, что у него просто невероятный дар общения».

Известный футбольный менеджер Герман Ткаченко вспоминает: «Когда мы со Слуцким познакомились в его бытность главным тренером «Москвы», я сразу был поражен. Тогда нельзя было сказать, что это великий тренер, но, пообщавшись, я тут же понял: это яркий, глубокий, многообещающий молодой человек. А сегодня, уже с опытом работы и багажом побед, это персона и специалист уровня Валерия Лобановского. Может быть, даже сильнее – более современный и открытый. Таких тренеров в России нет, с огромным отрывом. Таким его сделал интеллект. А за него он должен сказать спасибо маме. Она – мощнейшая. При этом она – настоящий босс».

Отзывы знакомых о маме Слуцкого сплошь восторженные. Причем со стороны абсолютно разных по сути и по характеру людей.

Вот что говорит Николай Чувальский, президент «Олимпии» (Волгоград), первого клуба в тренерской карьере Слуцкого:

«Она великая женщина. У нас были разные моменты с Леонидом Викторовичем, но при этом она всегда оставалась педагогом, человеком с большой буквы. Выдержанной, умной, каким она и воспитала Слуцкого. У него не уличное воспитание, а мамино».

Президент Детской футбольной лиги Виктор Горлов замечает: *«Высокоинтеллектуальный, умный, интеллигентный человек. При этом знает себе цену. Настоящий педагог, в лучшем смысле слова. Леонида она воспитала. При этом, насколько знаю, Людмила Николаевна в Лёнины дела никогда не лезла, в отличие от многих других мам, себя не выпячивала. Не ездила вслед за ним, не сидела на трибунах, не показывала: мол, я – мама Слуцкого!»*

Не удивлен. Такт – неотъемлемая часть интеллигентности.

Писатель, журналист, многолетний пресс-атташе сборной России по футболу Илья Казаков: *«Людмила Николаевна, как в «Иронии судьбы», – «мировая мама». Обаятельная, светлая, искренняя, очень открытая. Она гордится сыном – не только его достижениями, но и тем, как он относится к людям и заботится о близких. Мама правильно воспитала Леонида. Она дала ему возможность стать вот таким, удивительно позитивным и легким человеком. Всегда ведь хочется общаться с тем, кто не жалуется и не злословит. Слуцкий не относится ни к категории неудачников, воспринимающих себя кем-то сильно обиженным, ни к числу изначально мрачных людей. И с мамой у них абсолютная гармония, это видно. Их общение не сводится к вопросам: «Ты сыт? У тебя все хорошо?»*

Людмила Николаевна родом из Краснодара. Окончила филфак Кубанского университета, но преподавать русский и литературу в школе ей было не суждено. А может, и хорошо, что всю свою гуманитарную эрудицию она потратила на сына: когда слышишь совершенно нетипичные для обычного футбольного тренера интервью Слуцкого, отмечаешь его культуру речи, образы, ссылки на цитаты из книг, фильмов и спектаклей, – понимаешь, откуда все взялось. Хотя бы на генетическом уровне.

Люда Андреева – такова ее девичья фамилия – переехала в Волгоград, работала воспитателем в обычном детском саду, но в этой роли ей в какой-то момент стало тесно. И однажды она пришла в горно к знакомой даме-методисту и заявила: «Хочу быть заведующей. Если у вас где-то освободится место, имейте меня в виду». У методиста, даром что та уважала молодую воспитательницу, от таких слов глаза из орбит вылезли. А вы спрашиваете – откуда амбиции.

А потом при заводе «Ахтуба», официально выпускавшем фены и прочую бытовую технику, а на самом деле, по слухам, – оборудование к подводным лодкам, решили открыть ведомственный детский сад. Тут-то о Людмиле и вспомнили. Когда она туда пришла, готов был только фундамент – то есть оказалась она вовсе не на тепленьком местечке, а сама же все и строила.

Прошло время. Никакие новации Людмилу Николаевну не расслабляли, она все время придумывала и пробивала у руководства что-то новое. Например, открыла у себя в детском саду начальную школу. Бывшие дошколята проводили там четыре первых класса – и лишь в пятый переходили в обычную среднюю школу. А сама она из заведующей детским садом превратилась в директора школы-детского сада. Не случайно спустя годы Людмиле Николаевне присвоили звание заслуженного работника народного образования России.

«Завязать» она решит, лишь когда ее внуку Диме исполнится год, а у его папы Лёни, уже главного тренера не дубля, а основного состава ФК «Москва», появится возможность жить в столице в нормальных условиях. Тогда-то мама тренера и его жена Ирина с годовалым ребенком уедут из Волгограда. Людмила Николаевна поймет, что жизнь без внука ей не в радость, и без колебаний решит пожертвовать работой и посвятить себя семье.

Дмитрий Фёдоров рассказывает:

«Людмила Николаевна – равнодушный человек. Для нее важно, чтобы вокруг был порядок, чтобы все было хорошо не только у родных и близких, но и у совершенно посторонних, которые случайно повстречались на жизненном пути. В Австрии, когда мы большой компанией катались в новогодние праздники на лыжах, произошла такая история. Людмила Николаевна сама не катается, но обязательно едет со всеми на склон – за компанию. Обедает там же – в кафе на горе, а потом еще несколько спусков – и домой.

И вот мы возвращаемся назад, уставшие и довольные. Едем по канатной дороге в кабинке, а рядом с нами девушка дрожит от холода. Местная – из Австрии, а может, из соседней Германии. Как помочь девчонке, которая оделась легкомысленно? Да никак ей не поможешь. Сама виновата. Но Людмила Николаевна увидела, что у этой сноубордистки даже перчаток нет, и сразу же ей свои предложила. Теплые, шерстяные. Той неудобно брать. Все-таки перчатки – это вещь индивидуального пользования. Девушка отказывается по-немецки. А Людмила Николаевна ей по-русски: «Да ты не стесняйся». И по-матерински сама ей надела перчатки на руки.

Мы ехали вниз минут восемь-десять. Девушка согрелась. При выходе из кабинки сняла и отдала. Поблагодарила. Вроде бы, мелочь. Но Людмила Николаевна так со всеми. Она и к Диме – единокровному брату Леонида, – и ко всем его родным относится с невероятной любовью, заботливо. Равнодушные – это общая черта у Леонида Викторовича и его мамы. Он тоже всегда расспрашивает, как дела у наших общих знакомых. Переживает, если у них неприятности».

Мама Слуцкого верит в гены – и считает, что от отца Леониду передалась любовь к спорту. Одессит, Виктор Борисович в молодости был боксером, а затем перебрался в Волгоград и стал преподавателем физкультуры – сначала в училище, затем в институте. По воспоминаниям Людмилы Николаевны, он был яростным болельщиком одесского «Черноморца».

«Мастер спорта. Тренировал, позже в «цеховики» подался», – рассказывал Слуцкий в интервью «Спорт-Экспрессу». Объясню для молодых читателей: «цеховик» – это подпольный советский предприниматель.

С Людмилой они познакомились на Аллее героев, где по выходным собиралась вся молодежь Волгограда. А больше и нигде было. Дискотеками в 1960-е годы еще и не пахло, так что девчонки там, у лестницы к Волге, просто собирались, садились на скамейки, ели мороженое, поглядывали на парней, в шутку загадывали: «Вот этот – мой!» А однажды к Люде и ее подружке подошли два парня. И пошло-поехало...

Был Виктор на 15 лет старше Людмилы, и за его спиной был первый, одесский, брак – и от него единокровные брат и сестра Леонида. Но познакомиться двум братьям Слуцким суждено было лишь много-много лет спустя...

«О, это удивительная история, – рассказал Слуцкий моим коллегам по «Спорт-Экспрессу» Юрию Голышаку и Александру Кружкову. – Никого из родственников по линии отца я не знал. А в 2010 году в социальной сети появилось сообщение от Дмитрия Слуцкого. Он написал: «Я – ваш брат». И подробности собственной биографии. Я – к маме. Она рассказала, что у отца был первый брак. В Одессе остались сын на 11 лет старше меня и дочь. Мама изучила фотографии – Дмитрий похож на отца. Поняли – это он. Дмитрий оставил номер телефона, мы созвонились».

ЦСКА отыграл матч Лиги Европы в Праге, и оттуда Слуцкий направился в Мюнхен на встречу с братом и его семьей. Как признается, был насторожен, но беспокоился зря. *«Это невероятно милые люди», – отозвался о них тренер. Рассказал, что из Одессы Дмитрий с семьей*

эмигрировал лет 20 назад. Открыл компанию, которая занимается социальной помощью пенсионерам из стран бывшего СССР. Отношения сложились моментально.

Теперь Леонид и Дмитрий Слуцкие регулярно общаются и летают друг к другу то в Мюнхен, то в Москву. В российской столице – обязательная культурная программа: от Третьяковки до цирка на Цветном бульваре, от парка Горького до спектаклей в московских театрах. А фильм о Владимире Высоцком «Спасибо, что живой» смотрели как раз в Мюнхене, в русском кино-театре. Позже Слуцкий познакомится с Никитой Высоцким и будет жадно расспрашивать о жизни и о его культовом отце...

Даже в Волгоград на встречу игроков «Олимпии» Дмитрий Слуцкий приезжал вместе с братом. И выходит мистическая история: тренер назвал сына Димой, еще не зная, что у того есть дядя с тем же именем.

Виктор и Людмила Слуцкие называли сына Лёней не в честь кого-то конкретного. *«Просто перебирали имена, – рассказывает его мама. – Хотели, чтобы было легкое, без твердых звуков, – и при этом необычное. А Леонид для той поры – имя очень редкое. Вообще никого среди моих знакомых с таким именем нет. Из-за этого кто-то периодически начинал называть его Лёшей – но я была категорически против и всех поправляла».*

Что ж, и тут сработало. Стремление родителей к необычности обернулось тем, что их сын последовательно сломал все стереотипы о российском футбольном тренере.

Людмила Николаевна говорит, что Леонид во многом похож по характеру на Виктора – добротой и щедростью. Отец мог преспокойно снять новенький красивый свитер и отдать его родственнику, если тому он сильно понравился. А ведь в те годы в советской провинции любой свитер достать было большой проблемой. И *единокровный* брат Дмитрий рассказал Леониду, что отец был очень добрым – душа нараспашку. *«Любил шикануть. Если в долг просили – не отказывал».*

Галина, вторая по старшинству сестра Людмилы, вспоминала, как однажды приехала из Краснодара в гости к Слуцким в Волгоград, и они отправились на толкучку – или, как там выражались, толкушку. В какой-то момент Галина воскликнула: «Ой, какое платье красивое!» Но стоила эта красота по тем временам дорого – рублей 25, – и, выяснив это, сестры пошли дальше и думать об этом платье забыли.

Виктор вдруг отстал. А потом вернулся. С платьем в подарок сестре жены.

Виктор Слуцкий с легкостью мог заплатить за всю компанию в ресторане, чему Людмила не всегда была рада. Но он хорошо зарабатывал и мог себе это позволить. Помнит мама Слуцкого и своего тестя: *«Интересный был дядька! Интеллигент рафинированный. Это явно наследственное – тут не привьешь, не научишь. Был секретарем горкома партии в Одессе, но в какой-то момент, как он рассказывал, пришла разнарядка убрать всех евреев с руководящих постов. Причем пришла она к нему самому – то есть начать ему следовало с самого себя. Что он и сделал, поскольку привык жить по правилам. В конце жизни преподавал в институте историю».*

Передалось по наследству Леониду Викторовичу и то, что Виктор Борисович ничего не умел делать руками. *«Вообще ничего! – смеется Людмила Николаевна. – Если даже скажешь: «Лёня, налей чай!», – он не знает, где у нас стоят чашки. Хотя вроде бы – на виду».*

У него и отец был такой. Я ему говорила: «Ой, Виктор, лампочка перегорела. Высоко, не достану» – «На тебе три рубля, иди вызови электрика. Это его работа». Ха, да разве я отдам три рубля?! Делаю вид, что иду звать электрика, – а сама ставлю одну табуретку на другую, стремянок тогда не было. И вкручиваю. Поэтому умею все – и гвоздь прибить, и покрасить, и побелить, полы настелить».

Дмитрий Фёдоров, правда, вносит важное уточнение:

«Мне кажется, бытовая неприиспособленность Леонида Викторовича несколько преувеличена. Он сам говорит о ней с изрядной самоиронией. Но недавно произошел эпизод, который заставил меня усомниться в том, что у него руки только для того, чтобы свисток на тренировке подносить ко рту да нажимать на кнопку секундомера.

Я заехал в Кампоамор, где ЦСКА традиционно проводит первые два сбора в Испании. Арендовал крошечный «Фиат» в аэропорту. Сама по себе машина несолидная, да еще и немилосердного бирюзового цвета. Подруге говорю: «Ну все, сейчас цвет и размер автомобиля станут поводом для насмешек на всю жизнь. Особенно если братья Березуцкие увидят». Но Вася и Лёша уже покинули отель. Это был последний день сбора.

Леонид посмеялся, конечно, когда увидел наш агрегат, но умеренно. Присели за стол, вкусно поели. А после обеда решили поехать за мандаринами. Они рядом с отелем росли. У нас так одуванчики растут на каждом шагу. А в Испании мандарины. И никому они не нужны. Рви и ешь – на здоровье! Съезжаем мы с дороги – деревья совсем рядом.

И я хлоп – налетел на камень. Машину возжу с 1993 года – ни одной аварии и ни разу колесо не пробивал. А тут мы подъехали к мандаринам, а колесо на ободке. Я жутко расстроился из-за того, что так неаккуратно заехал. И немного подрастерялся. В детстве я видел, как отец менял колесо. Даже помогал ему. Но это было 35 лет назад.

Леонид несколько не переживал из-за случившегося и сразу сказал, что все это ерунда. Мы быстро поставили колесо-временку. Основную часть работы взял на себя Леонид Викторович, а я только домкратом заведовал. Слуцкий смеялся и говорил, что надо рассматривать это как веселое приключение. Теперь я точно знаю, что колесо у машины он способен поменять.

А электрическую лампочку... Великий кутюрье Ив Сен-Лоран тоже говорил, что не способен выкрутить лампочку. И если она перегорит, то он будет сидеть в темноте, пока кто-нибудь не спасет его. Но я думаю, что творческие люди могут сидеть в темноте и придумать что-нибудь интересное. У них голова все равно занята важными вещами. Поэтому им и не нужно лезть по стремянке за лампочкой».

Отец Людмилы Николаевны, ветеран Великой Отечественной, был плотником, краснодеревщиком, делал шифоньеры, этажерки ручной работы, ни в одном изображении не повторялся. И писал картины, как вспоминает мама Слуцкого, – они потом висели в их волгоградской квартире.

Квартира та, кооперативная, была по тем временам чудо как хороша. Трехкомнатная, 60 квадратных метров. В новом доме, построенном уже при Брежневле. Семья Слуцких получила ее в 1972 году, когда Лёне был год. Тогда же к ним из Краснодара переехала мама Людмилы, которую все в семье называли Марусей. Она к тому времени уже была на пенсии, поскольку Люда была младшей из трех дочерей. Причем с большой разницей с двумя старшими – десять и восемь лет.

«Квартира казалась мне огромной, – вспоминает Людмила Николаевна. – Думала – все, это наша жизнь, здесь Лёня женится, потом будем все вместе жить... Правда, платить за нее надо было очень много – 120 рублей в месяц. По нынешнему выражаясь, это была ипотека на 25 лет. Но Виктор зарабатывал неплохо, и жили мы хорошо. И машина была, «Волга» с оленем на капоте, и гараж...»

Плавная и благополучная жизнь молодой семьи резко оборвалась 7 марта 1978 года, когда Лёне было шесть лет.

Отец проболел недолго. Впервые он обратился к врачу с жалобами на сильные боли в груди в сентябре 1977-го. На самом деле болело легкое, а ему принялись лечить сердце. *«Никто не додумался даже сделать флюорографию»*, – вздыхает Людмила Николаевна.

Боли продолжались, и однажды Слуцкие решили поехать в Москву, к серьезному профессору. Заплатили большие деньги. Вот там-то Виктору Борисовичу сделали все необходимые анализы.

Но было уже поздно. Рак легких в последней стадии. Пока лечили сердце, метастазы шли полным ходом. Профессор, поставивший диагноз, сказал: «Если бы мы знали, от чего эта болезнь появляется, то знали бы, как ее лечить». Эта фраза врезалась в память маме Слуцкого на всю жизнь.

А теперь она рассказывает о своем внуке Диме: *«Он сказал, что будет ученым. И откроет таблетки, которые помогут от СПИДа и рака»*.

«Хорошая мечта», – одобряет сам Леонид Викторович, когда я ему об этом сообщаю. Для него главное, чтобы сын стал хорошим человеком, а уж профессию он себе выберет сам. Десятилетний Дмитрий Леонидович, когда я прошу его подтвердить слова бабушки, авторитетно кивает:

«Да. Сначала, в детстве, где-то до семи лет, я хотел стать космонавтом. Потом – военным, потом – где-то полгода бизнесменом. А когда я начал ходить в Cambridge International School и учить нормальные науки, увлекся биологией и физикой. Мне очень нравится наука!»

Может, и вправду когда-нибудь изобретет – с тем, как этот мальчишка развивается и как уже говорит в своем нежном возрасте, ничуть этому не удивлюсь.

Лёня отца почти не запомнил – так рано он умер. Не помнил, конечно, и того, что тот болел за одесский «Черноморец». Он и в Одессе-то в детстве ни разу не был – семья Слуцких впервые съездила на родину Виктора лишь в 2011-м. Открыли для себя фантастический Оперный театр – причем с «Бориса Годунова» после первого акта взрослым не позволили уйти Дима, которому очень понравилось. Но...

«Я ехал в Одессу, думая, что увижу сериал «Ликвидация», – говорит Слуцкий. – И хотел именно этого. Но то ли я был не в тех местах, поскольку жил в частной гостинице с семьей на берегу моря, то ли за эти десятилетия что-то изменилось... Мы ходили в оперу, гуляли по Дерибасовской, заглядывали, конечно, на Привоз. Но того книжно-киношного колорита я, увы, не ощутил».

Признаюсь честно: одесские корни Слуцкого – то, что делает его для меня еще ближе, поскольку у самого родители – одесситы. И если продолжать тему генов, то ни на секунду не сомневаюсь: юмор тренера и его талант к импровизации, известный всем футболистам, кто с ним работал (да и не только им, учитывая, что Слуцкий нарасхват и в КВН, и в «Вечернем Урганте», и в «Хороших шутках»), родом – из Одессы. Столицы шуток бывшего СССР.

Причем юмор для Слуцкого в работе скорее не цель, а средство. Однажды он мне рассказывал:

«Через шутку можно сказать игроку серьезную вещь и заставить задуматься – но облечь все в такую форму, чтобы у него не было шансов обидеться. Так, допустим, было с Пашей Мамаевым. На сборах смотрели матч «Милан» – «Интер» и поставили по сто долларов: он на «Милан», я на «Интер». «Интер» начал выигрывать, а я – тут же его «травить». Всё жестче и жестче: мол, это он «загнал» «Милан», потому что своим поведением не заслужил выиграть сто долларов, и если бы он поставил на «Интер», уже эта команда была бы обречена».

Так я потихонечку и дошел до того, чем я недоволен. Иногда, особенно когда Паша не попадал в состав ЦСКА, ему свойственно было здороваться едва уловимым кивком, не пожимать руку. Начни я всерьез обсуждать эту тему – реакция могла бы оказаться гораздо более болезненной. А тут довел свое недовольство через шутку – и после этого его кивки и рукопожатия стали гораздо более акцентированными».

Или шутка на тренировке в адрес только что вернувшегося из «Мордовии» защитника Виктора Васина: «Вася, проснись! Что, по Перендии соскучился?» Серб Милан Перендия был партнером Васина по центру обороны «Мордовии» и таким воплощением – может, в силу забавной для русского уха фамилии – совсем другого уровня, чем ЦСКА. Это был своеобразный wake-up call – звонок будильника – в форме подколки. На футболистов такое действует лучше любого серьезного разговора.

Шуткой, по убеждению Слуцкого, можно скрасить даже самые мрачные ситуации. Вроде той, что сложилась в 2009 году с финансированием «Крыльев Советов». Тренер обсуждал с игроками: мол, сейчас выйдет Иржи Ярошик на набережную Волги, и фото с ним будет стоить столько-то, а еще и с Яном Коллером – вдвое больше. Предлагалось сдать в аренду свои комнаты на базе, обеды в столовой упаковывать и продавать, заниматься частным извозом на «Мерседесах» и «Лексусах»... Это был смех сквозь слезы, но он помогал.

А тремя десятками лет ранее, в 1978-м, шестилетнему Лёне и его родным было совсем не до шуток.

«На похоронах отца я был, и даже помню их достаточно хорошо, – говорит Слуцкий. – Помню, что все рыдали, что меня отправили ночевать к соседке на второй этаж, к маминной подруге. С похорон я запомнил запах. Когда встречаю его в повседневной жизни, и не обязательно это запах, связанный со смертью, – сразу его улавливаю, и он для меня очень тяжелый. Странно устроен человеческий мозг...»

Но сильной душевной травмой смерть отца для меня не стала, потому что я еще особо ничего не понимал. Папа часто бывал в командировках, поэтому не могу сказать, что я с ним очень много общался. Травма была потом, и она заключалась в том, что у всех есть отцы, а у тебя нет. Не хватало отца вообще, а не именно его. Потом уже, повзрослев, я спрашивал у матери, каким он был. Тогда же не помню, чтобы страшно это переживал».

Маме было куда сложнее.

«7 марта Виктор умер, 19 марта мне исполнилось 30 лет, 4 мая Лёне – семь, – вспоминает Людмила Николаевна. – Представляете, как мы остались, потерянные, с кооперативной квартирой, за которую нужно было платить? Как жить, что делать, как выживать? Было очень трудно. Но выжили. И неплохо выжили».

Лёня был маленький, он не мог и не должен был знать, что у меня зарплата – 90 рублей, а за квартиру платить надо было 120. Причем еще столько лет... А деньги, которые были отложены, мы потратили на лечение Виктора, когда в Москву ездили.

Сразу, с того же дня, началась другая жизнь. Мы продали машину, гараж. Со мной мама жила, пенсию получала – на нее и жили. А моя зарплата, как и пенсия по потере кормильца, которую платили Лёне, шли на оплату квартиры.

Когда классе в шестом-седьмом у Лёни стали расти потребности, я пошла подрабатывать. Мыть полы ночью в учреждении. Старалась сделать так, чтобы этого никто не увидел и никто не узнал, – все-таки днем работала заведующей детского сада, а тут – уборщицей.

Работала там года два, получала 70 рублей в месяц. Это было большое подспорье. Лёня потом говорил: «Вот все говорят: «Трудно жили», но я не помню, чтобы нам когда-то на что-то не хватало». В это время он не знал, что я подрабатываю, я ему уже потом сказала.

А то, что замуж больше не вышла... Нет, сразу ничего не решала. Просто так пошло. Вначале работала, надо было кормить сына, было не до того. И потом, это же были другие времена. Жила с мамой, домой человека не привести. Как и уйти из дома на ночь. Это ж надо было маме рассказать – а как? Мы родителей не то что боялись, но стеснялись. И я себе такого позволить не могла, было неудобно.

По поводу личной жизни я не переживала. Это сегодня что-то там говорят про одиночество, депрессию. А тогда и слова-то такого не знали. В худшем случае у тебя могло быть плохое настроение. И то какие-то часы. Некогда было неделю горевать. Утром надо было идти на работу и все забыть.

И казалось, что все у меня нормально. Я дружила с соседкой сверху, Лёня – с ее сыном Сашкой. Так их муж и отец каждый день пьяный домой приходил. Такого мужа я не хотела. А другого в жизни больше не встретилось».

После этого рассказа, по-моему, не нужно объяснять, почему Слуцкий ТАК относится к своей маме. Сам он вспоминает:

«Может, я и знал, что мама подрабатывает и моет полы, но всего этого не чувствовал. Дети вообще очень эгоистичны и только в более взрослом возрасте начинают понимать, какой ценой дается родителям тот или иной шаг. Поэтому сложностей не ощущал. К тому же это все-таки был Советский Союз. Все ходили в одинаковой одежде, в школьной форме, на улицах никто не выделялся.

Продажу машины я не почувствовал. Ездил-то на ней до шести лет – какая тут привычка? В школу все равно ходили пешком. На футбольные тренировки вместе со всеми, кто в нашем дворе жил, ездили четыре остановки на троллейбусе. Теперь-то понимаю, что маме было безумно тяжело – хотя бы выплачивать деньги за кооперативную квартиру столько лет с ее зарплатой и бабушкиной пенсией. Она большая молодец, что сделала так, чтобы я этого не понял».

Вот Слуцкий и убежден, что у него было счастливое детство.

«А что нужно для счастливого детства? – рассуждает он. – У нас был шикарный двор. В дом все въехали почти одновременно с детьми одинакового возраста. Очень дружный подъезд. Мы все собирались зимой между вторым и третьим этажами и играли в разные игры – если лето, весна или осень, то на улице. Волга в трехстах метрах. Все лето купался, загорал – когда не ездил в деревню. Футбол...

В общем, шикарное детство! А оно, мне кажется, у всех детей тогда было счастливое. Ты ведь не задумывался, что есть богатые и бедные. Что есть страны, где лучше живут. Когда ты открывал последнюю страницу учебника географии и видел, что СССР – на первом месте по всем ключевым показателям, будь то добыча нефти, выплавка стали и все прочее, твоя убежденность, что ты живешь в лучшей стране в мире, была абсолютной».

Очень хорошо понимаю Леонида Викторовича, поскольку сам до поры в том не сомневался – так нас воспитывали в школе. Помню, как девятилетним оказался с отцом на Красной площади – и, увидев Кремлевскую стену и Мавзолей, к ужасу отца, отдал салют, как юный пионер, и во весь голос запел гимн Советского Союза. Народ катался, валялся со смеху – а я отказывался остановиться, пока гимн не закончился.

Мы росли в одно время – и правду начали узнавать позже. Меня в последний момент за излишнее вольнодумство в школьной стенгазете отцепили от поездки по обмену в США, а юный Слуцкий два года подряд ездил с командой Волгоградского центра олимпийской подготовки в Бельгию. И свои впечатления формулирует фразой, из которой ясно все: *«Поехать*

в Бельгию из Волгограда – это тогда все равно что на Луну полететь». Ждали год, заранее оформляли документы, переживали, попадут ли в окончательный список или нет...

Вторая из поездок имела все шансы сорваться, и для мальчишек это была бы трагедия. Тренер Петр Орлов перепутал время вылета, группа опоздала на регистрацию, и билеты уже начали продавать другим людям. В итоге получилось, что полететь смогли только 13 ребят из 18. Пятерых запасных, в том числе и вратаря Слуцкого, оставили на пересадке.

18-летний Лёня уже немножко говорил по-английски и пошел договариваться в авиакомпанию. Договорился. На посадке дружная пятерка из Волгограда стояла первой – чтобы повторного шанса уж точно не упустить.

Первый раз команду с юным голкипером Слуцким повез в Бельгию волгоградский тренер Владимир Бубнов. Тогда он не ведал, что их пути-дорожки дюжину лет спустя пересекутся в Элисте и в становлении молодого тренера он сыграет большую роль. Мы сидим с 75-летним Бубновым в кафе около Дома футбола на Таганке, разговариваем – и вдруг он достает черно-белый снимок: *«Ну-ка посмотрите – узнаете Лёню?»*

Это не составило никакого труда – по-моему, Владимир Николаевич даже чуток расстроился, что его маленькая шарада была разгадана так быстро. Но Леонида, пусть совсем молодого и худенького, не распознать было невозможно.

«Это 1989 год, – рассказывает Бубнов, добрейшей души человек, по характеру прямая противоположность своему известному однофамильцу – футбольному эксперту. – Снимок сделан уже после, на стадионе «Динамо» в Волгограде, когда команду – победительницу турнира в Бельгии вызвали на поле в перерыве матча «Ротора», чтобы показать публике. Вот Валера Бурлаченко, ее капитан, а позже игрок «Ротора», который обыгрывал «Манчестер Юнайтед». Вот Игорь Меньшиков, который потом прилично поиграл и в «Роторе», и в «Сатурне». Вот Сережка Никитин, близкий друг Слуцкого, которого Лёня сейчас перетянул к себе в школу ЦСКА...

Помню, была какая-то задержка с визами, плюс август, каникулы – всех лучших собрать не удалось. И нас в Бельгию поехало всего 15 человек – два голкипера и 13 полевых игроков. Он был вторым вратарем.

Это была команда МЦОП – межведомственного центра олимпийской подготовки. Его создали в 1986-м, и Лёня в числе перспективных ребят туда попал. Думаю, из него мог вратарь получиться. И характер спортивный, и воспитание. При чем тут оно? А при том, что Людмила Николаевна, золотой человек, учила его во всем предугадывать ситуацию. Мне в этом помогали шахматы, которые Лёня не любил, а ему – вот эта передававшаяся ему от мамы способность предвидения. И ловкий был, мяч к перчаткам прилипал.

Первым вратарем был парень из Волжского, Градов. У Лёни не было ко мне никаких претензий, что он в запасе. Культурный парень, он, конечно, хотел играть, но решения тренера принимал беспрекословно. Но в итоге он один матч все-таки провел, и хорошо – мы выиграли. Если бы Слуцкий мог играть в поле, то шансов выйти у него было бы больше – у нас в первом же матче один защитник сломался, и мы на весь турнир остались с одним запасным в поле. Но охоты такой он ни разу не высказал.

В полуфинале играли с англичанами, и после ничьей били пенальти. При 7:7 Градов все-таки отбил удар, а потом вскочил: «Я пробью!» И забил победный. В финале разгромили победителя предыдущего такого турнира – юношескую сборную Алжира, 3:0. Градова признали лучшим игроком – и Лёня за него радовался, словно играл сам. Он всегда был командным человеком.

Судьба Градова – никакая. Свободного поведения был парень, лентяй до ужаса. Я пытался его в Рыбинск пригласить, когда возглавил команду второй лиги оттуда. Но времени уже много прошло, он был запущенный».

Интересно, где он сейчас, тот Градов. И с какими чувствами смотрит по телевизору на Слуцкого, который когда-то сидел «под ним» на юношеском турнире в Бельгии. Рассказывает ли детям о своей минуте славы. Завидует ли...

«Лёня в детстве с Димкой в чем-то похожи, – говорит Людмила Николаевна. – Очень добрые. Очень внимательные. Но Димка – более смелый. Взять хотя бы этот его экстремальный самокат, с которого он не слезает. И со всеми находит общий язык. А Лёня страшно переживал, если ему взрослый человек на улице просто делал какое-то замечание. Для Лёни это был крах. У него не припомню драк, а Димка подраться может – но по делу, только если нужно кого-нибудь защитить. Может, сегодня другое время, поэтому и внук чуть другой, чем сын...»

Крестный Димы, футболист Роман Адамов, который прошел со Слуцким почти через всю его карьеру от «Олимпии» до «Москвы» и «Крыльев Советов», формулирует не по-футбольному – сам вначале не поверил, когда услышал: *«Дима – гораздо более общительный. Нет, Викторович тоже общительный, но Дима – более социально адаптированный. Он хватается за все, занимался уже и футболом, и хоккеем, и теннисом, и карате, и другими единоборствами. И везде с ребятами общается».*

Если уж Слуцкий со своей фантастической контактностью, знанием людской психологии и умением подобрать ключик хоть к черту, хоть к дьяволу, – ГОРАЗДО менее общительный, чем его сын, степень коммуникабельности Димы невозможно даже вообразить.

Лёня, по словам мамы, был примерным ребенком. Лишь спустя годы стала узнавать, что он с друзьями бегал на стройку за их домом и сигал вниз с крыши (низких, естественно), плавал на ближнем, опасном из-за течений, берегу Волги, сбегал с уроков в кино. Но тогда Людмила Николаевна об этом не знала, а учителя не жаловались. При том что она ходила на каждое родительское собрание и делала все, что просили, – мыла окна, красила полы.

Учителя же понимали: жаловаться на лучшего ученика – все равно что резать курицу, которая несет золотые яйца. В данном случае – золотую медаль.

«Меня часто спрашивают: как ты его воспитывала? – говорит Людмила Николаевна. – Да не воспитывала я его! Не воспитывала! И вообще, будучи педагогом, не знаю, что такое воспитание. Можно научить здороваться, вести себя культурно. А все остальное... Не будешь же говорить: ты меня, сынок, люби, я твоя мама.

Мы его никогда не наказывали. Никогда не били. Никогда не ругали. Он же у нас отличником был. Иногда с работы прихожу – и вижу, как бабушка Лёне говорит: «Ты почему сегодня «четверку» в дневнике принес?» И делает важный вид. А он делал вид, что ее боится. Ему все давалось очень легко. Он ничего не зубрил, почти все уроки дома не учил. Всё запоминал прямо в школе».

Слушаю маму Слуцкого – и вспоминаю прекрасную фразу кого-то из классиков: «Не нужно воспитывать детей. Они все равно будут такими же, как вы. Воспитывайте себя».

Именно так Людмила Николаевна воспитывала будущего главного тренера сборной России.

Когда Лёне было полтора-два годика, в Волгоград из Краснодара приехала в гости Галина, средняя из трех сестер Андреевых. А старшая сестра Тамара в ту пору жила в ГДР со служившим там мужем. С вещами в Волгограде тогда было трудно, и она привезла в подарок из Восточной Германии необыкновенно красивые рубашечку и шортики для Лёни. Мама его нарядила, они пошли по улице – и вдруг Галина сказала: «Ой, какой красивый мальчишка, Люд! А представляешь – вдруг он у нас когда-то будет знаменитым?!»

Маме это предсказание средней сестры врезалось в память. Галина до сих пор работает, поэтому в Москву наведывается нечасто. А вот старшая, Тамара, уже на пенсии. Когда она оказывается в столице, Слуцкий берет билеты во все возможные театры, и два-три раза за визит ходит вместе с мамой и тетей на спектакли. Та ему все время говорит: «Лёничка, вот смотрю на тебя – как ты не стесняешься с 76-летней бабкой в театр идти?» Главный тренер ЦСКА пожимает плечами: «Тетя Тамара, это ты – бабка?!»

А однажды прогноз о большом будущем Слуцкого сделает сама Людмила Николаевна. Произойдет это, правда, много лет спустя – когда 2 декабря 2010 года Россия получит чемпионат мира по футболу-2018. В этот момент в квартире Слуцких был давний знакомый, риелтор Игорь – он как раз занимался покупкой их нынешнего жилья в «Алых парусах».

И вдруг мама Слуцкого, услышав новость о ЧМ-2018 в России, сама для себя неожиданно сказала: «Игорь, вот увидите – мой сын будет главным тренером сборной России на нашем чемпионате мира». Сказала – и забыла. А когда четыре с половиной года спустя по телевизору объявили теперь уже о назначении Слуцкого главным тренером национальной команды, риелтор тут же позвонил ей: «Люда, а вы помните свою фразу?...»

Она не знала, почему ее произнесла. Сама говорит: не стоит искать за этим анализа или какой-то глубокой мысли. Просто такова она, материнская любовь и интуиция.

А тогда, в Волгограде, юный Леонид ни о какой Москве и не задумывался. И даже позже, выигрывая матч за матчем в детском футболе с «Олимпией» – тоже. И вся жизнь, вся карьера у него идет именно так – шаг за шагом. На моих глазах, когда мы вместе с ним и комментатором «НТВ-плюс» Денисом Казанским брали интервью (!) у Жозе Моуринью в феврале 2009 года, Слуцкий спросил португальского мэтра: «Вы как тренер согласны с тем, что самый важный матч – следующий?» И услышал моментальное: «Абсолютно!»

В жизни Слуцкого был миллион таких микроматчей с судьбой. Не во всех он побеждал. Но после поражений, даже тяжелых, вставал, отряхивался – и шел дальше.

Шесть лет назад, собирая материал для книги о футбольных тренерах «Секреты футбольных маэстро», я спросил Слуцкого, считает ли он себя амбициозным человеком. К тому времени, замечу, у него не было еще ни одного трофея.

«Да, я очень амбициозный, – ответил тренер. – Еще в школе, в начальных классах, любая «четверка» могла привести меня к рыданиям. Хотелось быть самым лучшим. И когда я поступил в Волгоградский институт физкультуры, то был за всю историю нашего вуза вторым человеком, который пришел на отделение футбола с золотой медалью. И не то чтобы я к ней специально стремился – просто хотел, чтобы у меня все было на «отлично». Уверен, что таким же будет и мой сын».

Дима, к слову, стал – по крайней мере на сегодня – не отличником, а хорошистом. Но в международной школе с преподавателями из Англии, США, Австралии, в которой к тому же он занимается и по англоязычной (обязательной), и по русскоязычной (добровольной) программе, это тоже недурно.

В футбол, как мы выяснили, Слуцкий влюбился не благодаря отцу. Тогда как?

«Первая любовь к футболу – это двор. А потом был первый турнир, который смотрел более или менее осознанно – Олимпийские игры 1980 года в Москве. (Слуцкому тогда было девять лет. – Прим. И. Р.) Я тогда был в деревне – в детстве все время летом ездил туда с бабушкой к своей тетке, средней маминой сестре. Она жила в совхозе «Красносельский» Краснодарского края. И вот мы с другом, старше года на четыре, смотрели всю Олимпиаду. До сих пор помню всех тогдашних олимпийских чемпионов – включая Яака Уудмяэ в тройном прыжке, который победил Виктора Санеева...»

Тут у меня в стоявшую на столе чашку чая упала челюсть, причем не искусственная. А Слуцкий, как ни в чем не бывало, продолжал:

«Помню, естественно, и футбольный турнир. Был очень разочарован, когда наши проиграли сборной ГДР в полуфинале. Но спорт после этого смотрел уже неотрывно. У нас в Волгограде в детстве все болели в футболе или за киевское «Динамо», или за «Спартак», а в хоккее – за ЦСКА, потому что он у всех выигрывал. Но я с девяти лет регулярно ходил с пацанами из нашего двора на «Ротор». Он не играл в высшей лиге, но мы знали и любили всех звезд волгоградского футбола – Гузенко, Дивака, Ванина, Файзулина. А поскольку у меня с детства была любимая команда внутри своего города, не было поклонения перед другими».

Не было у него и каких-то персональных кумиров. Вся комната была облеплена постерами, но это была не Москва, а Волгоград, и потому добывались они по простому принципу – что досталось, то и вешаю. Тренер точно помнит, что у него на стенке висел плакат со сборной СССР – победительницей Олимпиады в Сеуле 1988 года. Интересно, как бы он отреагировал, скажи ему кто, что 19 лет спустя его команда сыграет против ее главного тренера Анатолия Бышовца в финале Кубка России?..

Еще в комнате были постеры Рууда Гуллита и Андре Агасси. И когда, уже будучи известным тренером, Слуцкий взахлеб станет читать автобиографию американского теннисиста – и, как всегда, извлекать из нее много полезных психологических деталей, – та картинка с детской стены будет всплывать у него перед глазами.

Что же до воспоминаний об Олимпиаде-80 и Яке Уудмяэ, то после них меня абсолютно не удивляют рассказы многих игроков Слуцкого о том, что он смотрит и знает все виды спорта без исключения, и в этом смысле его кругозор гораздо шире, чем у большинства футболистов. Кстати, на чем Слуцкий, помимо прочего, мог так легко сойтись в сборной с Артемом Дзюбой – это и на широте знания спорта; тот тоже фанат всего, что только можно себе представить.

Спрашиваю Слуцкого о самом сильном детском воспоминании. Оно оказывается не связанным с футболом:

«Я тонул. Реально тонул. Мне было семь лет, это было в деревне. Уже ушел под воду, и меня спасли буквально в последний момент. Пошел купаться с двоюродным братом, который старше меня на семь лет. Плыли на каких-то баллонах из-под машин, а я провалился. На счастье, один из пацанов уже был на суше и стал орать: «Тонет, спасайте!» И меня за шкирман вытащили. Но до сих пор прекрасно помню, как разверзалась вода. Я был уже практически ТАМ».

В его тренерской карьере будет немало таких моментов. Но всякий раз он сможет выплыть. Может, потому, что после того случая он не испугался воды? И, в частности, в 1996-м поспорил со своими юными футболистами из «Олимпии», что прыгнет в холодную осеннюю воду Невы, если мальчишки выиграют финал Детской футбольной лиги? И, когда выиграли, выполнил обещание?..

Слыша это напоминание, Слуцкий смеется. И сообщает:

«В «Олимпии» были и похлеще моменты. Раз мы были на турнире в Германии, и там я поступил примерно как Анатолий Тарасов в «Легенде № 17». В Мюнхене пошли в олимпийский бассейн, залезли ради любопытства на десятиметровую вышку. Ребята сказали: «Давайте вы первый прыгнете, и тогда – мы все». Страшно было. Но прыгнул. А потом – вся команда».

В этой маленькой истории – то преодоление, что сопровождало всю жизнь Слуцкого.

Даже в мелочах. Он, например, почти не пьет. Для нашего тренерского цеха это явление немыслимое. Зная о его не то чтобы абсолютном неприятии, но явном аскетизме в употребле-

нии спиртного, интересуюсь у Слуцкого, не пытался ли кто-то из старших ребят завлечь его в алкогольно-курительные дела.

«В детстве все пробовали. Но у меня был очень высокий уровень самодисциплины. Мама никогда не делала со мной уроки, ничего не контролировала. Просто я был максималистом по своей сути. На одни пятерки я учился не потому, что так хотел знания получить, – а чтобы меня не ругали, а хвалили. Я был заточен на то, чтобы не делать что-то плохое. У меня было какое-то правильное понимание того, что такое хорошо и что такое плохо, что можно и что нельзя.

Особенно это проявилось, когда стал заниматься футболом. Представляете себе футбольные коллективы? Там бандит на бандите, оторвы все, ужас что творилось. Но я и с ними достаточно хорошо ладил – не могу сказать, что были какие-то конфликты. И в то же время не шел ни у кого на поводу. Думаю, это гениальная история. С другой стороны, не могу понять, как это, отчего, от кого. Мама сама часто удивляется. Когда есть какая-то хорошая компания, она сидит, выпивает. Говорит, что и отец любил на праздники выпить. Добавляет: «В кого ты такой?» А мне это никогда не было интересно».

Мама подтверждает: *«Отец в меру выпивал, я тоже выпиваю. А он сказал «нет» – и все. Сейчас были на лыжах, с ребятами может граммuleчку виски со стаканом колы налить и весь вечер его пить. А может и два дня – пока кто-то не выльет».*

Правда, друзья – Роман Адамов, Дмитрий Фёдоров – немного иного мнения: выпить Слуцкий может, но пьяным его действительно никто никогда не видел. По словам Адамова, на одной из ежегодных встреч «олимпийцев» парни решили порезвиться и, когда Леонид Викторович отворачивался, незаметно ему подливали. Если верить футболисту, тренер не «поплыл» – но на следующий день проснулся лишь в шесть вечера. Слуцкий, услышав это воспоминание, лишь усмехается: мол, детский сад – он и в 30 с лишним детский сад.

Фёдоров добавляет: *«Он может выпить и больше, чем одну-две рюмки крепкого напитка или бокал-другой вина. Но вот вам такая история. Когда сборная прошла на «Евро», естественно, команда всю ночь гуляла, кое-что даже выложили в Сети. Леонид Викторович приехал домой под утро. И, не ложась спать, сразу составил план следующей тренировки ЦСКА, которую поехал и провел. У него есть железное правило: план занятия вне зависимости от обстоятельств он пишет заранее. И у него не было в жизни ни одной тренировки, которую он пропустил или на которую опоздал хоть на минуту. В этом смысле футбол для него – не работа, а какой-то фетиш. Он обожествляет футбол».*

В разговоре об алкоголе мама еще заметила, что от пьяных людей Слуцкого физически воротит. Можно представить, каково ему было утвердить себя в обильно пьющей российской тренерской среде!

Кстати, первое тренерское качество – чего он тогда, разумеется, не предполагал – проявилось в нем в восьмом классе.

«Помню, ездили мы класса после восьмого в спортивный лагерь, – рассказывает Слуцкий. – В ту пору на одного тренера приходились старший и младший возрасты. Тот человек, который работал с нами, взял туда и мальшней из четвертого класса. И мы как бы начали их курировать – заступаться, воспитывать, общаться. Это был первый легкий педагогический опыт.

Очень хорошо помню, что для меня это были очень приятные ощущения – ты о ком-то заботишься, тебя слушают... Поскольку у меня не было младших братьев и сестер, это было классное чувство – ответственности за кого-либо. Это были футболисты 1975 года рождения, среди них, кстати, был Александр Беркетов. И когда я их встречаю, у меня до сих пор к ним такое же отношение. Хоть им уже по 40 лет».

Мама от футбольных устремлений сына в восторге не была. И это еще мягко сказано. Сначала отдала его в музыкальную школу – и не для того, чтобы вырастить из него пианиста, а просто чтобы стал культурным человеком, который мог бы произвести приятное впечатление на окружающих. Классическая интеллигентная семья!

Лёня честно походил в «музыкалку» два года, а потом в первый раз проявил характер. Подошел к маме и четко выговорил: «Мам, ты можешь меня убить, но я больше туда не пойду». И пошел на улицу, играть летом в футбол, зимой в хоккей. Без коньков – откуда было взять на них деньги? Впрочем, так же и все его сверстники гоняли. Хотя в случае со Слуцким слово «гоняли» было не очень уместно. Он быстро определился со своей игровой специализацией – вратарской.

«Вряд ли он мог бы вырасти в хорошего футболиста, – считает Людмила Николаевна. – У него немножко другой склад ума. Тренерское, аналитическое ему ближе. Он должен думать, а не только бегать. Может, потому во вратари и подался. Кстати, и игрушки у него были «тренерские» – он любил из индейцев, солдатиков команды строить. И его «армии» у других детишек эти войнушки почти всегда выигрывали».

Классе в шестом вдруг замаячила «четверка» в четверти по физкультуре – непорядок! Мама пришла к учителю: «Что нужно сделать, чтобы «пятерка» была? Он у нас отличник, такого не может быть». Учитель сухо заявил, что Слуцкий не умеет подтягиваться.

Тогда мама сделала ему дома турник. Лёне хватило настырности заниматься каждый день, и через короткое время он уже мог подтягиваться 30 раз. С «пятеркой» проблем не было. Но когда он вырастет и начнет заниматься спортивной наукой, то скажет маме: *«Насколько тот учитель был не прав! И мы с тобой не правы, что пошли у него на поводу. По всем законам анатомии – не каждый ребенок может подтянуться 30 раз и выполнить норматив. Я был высокий, и масса моего роста и тела этому нормативу не соответствовала, он мог нарушить правильные процессы в организме».*

Но ведь выполнил же, пусть и «на зубах», добился своего! Как, собственно, и всегда в жизни.

Сама бы мама ему футбольную школу в жизни искать не стала – да он сам нашел. По словам мамы, всякий раз, приезжая в Волгоград, Леонид встречается со своим тамошним первым тренером Андреем. Игру сына на детско-юношеском уровне она еще кое-как принимала, но когда Леонид решил поступать в институт физкультуры...

«Это был конец света. Сердце болело, приступ был, – вспоминает Людмила Николаевна. – Я лежала. И этого Дергача Василия Васильевича, который его туда звал, последними словами ругала – столько ему всего наговорила! Это уже потом мы подружались, и лишь спустя много лет я задумалась – видимо, не зря он пошел туда, в этот футбол?»

Видимо, не зря. Историю о том, что не так с институтом физкультуры и отчего был такой ужас от сыновнего туда поступления, мама Слуцкого расписала мне во всей красе:

«Вариантов было два – юрфак и журфак. Журналистика, кстати, ему очень нравилась, а говорить он всегда умел. И рассуждал: «Если я когда-нибудь и буду журналистом, то только спортивным». Так что мог он и вашим коллегой стать.

А на юридический он даже собеседования прошел. У нас в Волгограде есть следственная школа. Чтобы туда попасть, нужно было пройти собеседования в прокуратуре, еще где-то. И он прошел – причем, как потом выяснилось, уже зная, что туда не пойдет! А я-то счастливая ходила, везде его хвалили: «Да мы его и без экзаменов взять можем». Он благодаря золотой медали и так только с одним экзаменом мог поступить.

А потом Лёня тихо отнес документы в институт физкультуры на отделение футбола и просто поставил меня перед фактом. Рассказал, что люди в приемной комиссии были сильно удивлены и друг другу показывали его аттестат с одними пятерками.

Почему я так расстроилась? Когда-то, чтобы отвезти домой и установить какой-то новый шкаф или стенку, нужно было зайти с заднего двора в мебельный магазин и поговорить с грузчиками. За умеренную плату они все делали. Когда отец Лёни был еще жив и в 1972 году мы получили новую квартиру, надо было ее обставлять. Я пошла к грузчикам – и разговорила с ними.

Оказалось, что все они окончили институт физкультуры. Мне и Лёня про них рассказывал: «А, я его знаю. Он бывший боксер». Сын вообще, по-моему, всех спортсменов в мире с детства знал по именам. До сих пор и легкую атлетику смотрит, и волейбол, и что угодно.

И как же эти грузчики отложились у меня в голове! И когда спустя 17 лет мой сын, умный, красивый и все такое, пошел в институт физкультуры, у меня эти грузчики сразу в памяти всплыли.

Нет, на Лёню я не кричала. Но у меня сразу созрел план. Я слышала про Василия Васильевича Дергача, что он на кафедре футбола все решает. И пошла к нему, поставив себе задачу: вначале уговоры, затем злость, потом гнев. В итоге наговорила ему много нехороших слов. Мне надо было выпустить пар, найти виноватого и все ему рассказать. А кому? Лёня меня уже не слушал. Дергач оказался человеком очень тактичным и выдержанным. И выстоял под моим натиском».

Да, уже в юности, даже сталкиваясь с несогласием матери, которую он очень любил и любит, Слуцкий тихо и корректно, но твердо следовал принятым решениям и делал именно то, что считал нужным.

Дергач, в прошлом игрок сталинградского «Трактора», а впоследствии тренер, преподаватель и, наконец, завкафедрой отделения футбола нынешней Волгоградской государственной академии физической культуры, в интервью волгоградскому информационному агентству «Спорт-34» недавно рассказывал:

«Леонид, теперь уже Викторович, был в моем последнем выпуске. И я уверен, он был первым на кафедре футбола человеком, который учился на одни пятерки! Но начиналось все не так просто. Когда Лёня к нам поступил, приходит на кафедру эсеницина. Изящно одетая, статная. Спрашивает меня и приглашает на «конфиденциальный разговор». Думаю: «Ничего себе – такие слова знает».

И говорит, что она мама Леонида Слуцкого и очень просит меня, чтобы я отговорил ее сына поступать «на футбол». Мол, у нас есть отличный вариант ехать в Минск и поступать на журналистику – там уже ждут. Я ответил, что футбол – детская мечта Лёни (с чем она согласилась). А разрушать, убивать эту мечту я просто не имею права. Сказал: решайте сами в семье, а я в этом процессе участия принимать не буду».

Они и решили. Причем, по словам Леонида, драматизма было вовсе не так много, как об этом повествует мама: «Она не давила. Может, сейчас она это и рассказывает, но я давления не чувствовал. Я просто сказал: «Нет, я бы хотел сюда». Да, с ее стороны были слова: мол, на юриспруденцию или журналистику было бы лучше, институт физкультуры – это неперспективно. Но чтобы меня прямо гнули – такого не припомню».

Студентом-первокурсником юный вратарь попал в команду Второй лиги чемпионата СССР «Звезда» (Городище). За недолгое время игры за нее в печально знаменитой своими подкупами и судейскими скандалами девятой зоне успел насмотреться на реалии советского

футбола низшего уровня. Скажем, в выездном матче с азербайджанским «Кяпазом» арбитр назначил в ворота гостей пять (!) пенальти. Голкипер отразил первый из них.

Его тогдашнего одноклубника Андрея Соловьёва много лет спустя цитировал еженедельник «Советский спорт – Футбол»: *«У нас основной вратарь получил травму, и первый круг отыграл Лёня. Поехали, помню, на выезд в Азербайджан: Кировабад – Казах. За две игры нам били семь пенальти! Один Лёня отбил... Понюхал пороха в 18 лет. На выездах жил с капитаном Владимиром Сапельниковым – 1954 года рождения, играющим тренером. Это показатель. Значит, его уважали. Белой вороной в команде не был – хотя режим действительно соблюдал неукоснительно: в 22.00 свет в его комнате был выключен».*

Все это маленькое футбольное счастье, пусть даже подпорченное судьями, продолжалось недолго. Когда Леонид учился на втором курсе, случилось событие, которое перевернуло всю его жизнь. Соседка в слезах показала Лёне на тополь, куда залезла ее кошка. Попросила помочь ее снять. Слуцкий чувствовал, что ничего хорошего из этого не выйдет. Но он же мужчина – и значит, пути назад нет. Сперва надломилась одна ветка, потом другая – и парень полетел на асфальт с высоты третьего этажа. И получил многооскольчатый перелом надколенника, перелом носа, сотрясение мозга...

Слуцкий рассуждает:

«Когда меня спрашивают: «В следующий раз ты бы не полез на дерево?» – у меня нет ответа. Потому что если бы ко мне, 18-летнему, опять обратилась милая 15-летняя девушка, заплаканная, и попросила бы помочь... Я же, когда лез, знал, что упаду. Потому что никогда в жизни не лазил по деревьям, не был сорвиголовой – но в такой ситуации отказать не мог. Хотя и до падения кошек не сильно любил...»

А вот рассказ мамы:

«На всю жизнь запомнила тот день. Это было 13 октября 1989 года, воскресенье. Меня дома не было. Лёня собирался идти на тренировку. И тут соседка позвонила в дверь со своей просьбой. До того она прошла многих мальчиков, в том числе заглянула к Саие, нашему соседу сверху. Тот, парень категоричный, спокойно ответил: «Я? На дерево? Вы что, не пойду». И закрыл дверь.

А Лёня никогда в жизни не мог никому отказать. Он не умел лазить по деревьям, ничего о них не знал. Это потом уже выяснил, что осенью у тополей тонкие веточки и на них забираться нельзя. А он полез. Кошечку-то снял. Но потом под ним обломилась ветка, и он полетел. Со всем своим ростом упал на переносицу и заодно повредил колено.

Я была у сестры, мне позвонила мама девочки, чья кошка на дерево залезла. Я тут же на такси в больницу. Его уже отвезли на операцию, которая длилась долго. Спасибо дежурному доктору, который собрал ему колено как положено, не тая-ляп. Когда Лёню везли на каталке, вместо лица у него было сплошное месиво. Помню это до мельчайших подробностей».

Тогда Слуцкий получил первый в жизни и очень жестокий урок – безотказность бывает наказуема. Но лишь спустя много лет он научился говорить «нет». Больше он не станет слушать детского тренера, который остановит его где-нибудь в Высшей школе тренеров и вместо того, чтобы спрашивать и выпитывать, будет полчаса жаловаться, как его команду «убивали» судьи на турнире в Геленджике. А ведь раньше – слушал.

Его безотказность до поры была невероятной. Уже будучи главным тренером «Москвы» и заскочив на пару дней в Волгоград, Леонид столкнулся с товарищем, который попросил ему помочь с переездом. *«Есть люди, которые не нанимают грузчиков, а обращаются к друзьям, – рассказывал Слуцкий. – Так уж устроены. Втроем мы тащили пианино его жены Гали сначала с девятого этажа вниз, затем в другом доме – на четвертый этаж. В лифт не помещалось. Вымотались жутко. А я в эти минуты думал: «Галя, ну почему же тебя мама не отдала на скрипку?!»* Довелось ему и разгружать машину навоза на даче у тети, и он до сих пор

вспоминает о том как о самой тяжелой физической работе в его жизни: *«Я чуть не обезумел. В том числе от запаха».*

Но навоз навозом, а в долгие, мучительные месяцы после падения с дерева Лёне пришлось стократ тяжелее.

Слуцкий рассказывает об этом спокойно, повествовательно, без надрыва. Но так, что мороз по коже идет. Мои собеседники из творческой среды, друзья-товарищи тренера Дмитрий Фёдоров и Илья Казаков, не сомневаются, что именно та история фантастически закалила Слуцкого, влила в него то беспредельное терпение, которое требуется в тренерской работе.

«Год я пролежал в 20-местной палате типичной советской больницы, – говорит Леонид Викторович. – Рядом были те, кому пришлось гораздо хуже, – люди с ампутированными конечностями, с переломами таза. На их фоне я чувствовал себя счастливым. Плюс ко мне не зарастала народная тропа. Ходили одноклассники, одноклассники – словом, было совсем не скучно и никакой депрессией не пахло. Хотя первые три месяца я просто лежал на спине, даже не имея возможности никуда повернуться».

Ходить начал месяцев через шесть-семь. Когда стал разрабатывать ногу – боль была адская, слезы лились рекой. Но когда каждый день нога гнется хоть на капельку больше – чувствуешь себя самым счастливым человеком на свете. А когда понимаешь, что способен ходить без костылей, вывозить других лежащих больных до туалета, потом назад... А когда из больницы с палочкой едешь в институт сдавать сессию...»

Мама добавляет, а кое-где корректирует сына:

«Насчет 20-местной палаты – это Лёне так показалось. На самом деле там было восемь человек – впрочем, тоже немало. Самое страшное, что, когда сняли гипс, нога у него была абсолютно ровная. Колено не сгибалось. Вообще. Его надо было разрабатывать».

После снятия гипса я забрала Лёню домой. Каждый день он ложился на диван, я грела парафин, накладывала на колено. И по миллиметру гнула ему ногу. Боль – дикая, хотя переносил он ее мужественно, не кричал».

Но ногу мы согнули. Полностью. Хотя чего это стоило! Первое время после гипса мы ездили на физиотерапию. В такси садимся – а хороших машин тогда еще не было. Места для ноги нет – иногда приоткрывали окно, и нога торчала оттуда...

И все-таки во всем, что в больнице происходило, было кое-что хорошее. Вы не представляете, сколько у него перебивало людей. Я же там со всеми врачами перезнакомилась – благо больница была прямо напротив моего детского сада».

Одному его соседу по палате ноги отрезало полностью. У второго в голове что-то перемкнуло. Ему делали какие-то тяжелые уколы, но он мог сорваться и с бешеными глазами куда-то побежать. Один раз так по Лёне пробежался. Третий был на Шарикова похож – просто копия! К тому же и бездомный – то есть и биография напоминала».

В общем, для Леонида, мальчика из культурной семьи, это была серьезная школа жизни.

Логичен вопрос – как при статусе заведующей детским садом Людмиле Николаевне не удалось добиться для сына чего-то более комфортного, чем двадцатиместная или даже восьмиместная палата. Как выяснилось, ничего другого в Волгограде тогда элементарно не было: советский быт во всей красе. Конечно, если не считать партийную номенклатуру. А к ней заведующая детским садом не относилась.

Ей и так многое удалось «пробить». Она принесла сыну маленький телевизор, который он поставил на тумбочку и смотрел по нему футбольные матчи. Сидела с ним каждый вечер часов до десяти – половины одиннадцатого. Посещения других больных были или вовсе запрещены, или резко ограничены – но мама Слуцкого сумела решить вопрос так, чтобы та самая народная тропа к ее сыну превратилась в широченный бульвар. Врачи хватались за голову, потому что ходоки к Лёне шли по десять человек в день, иногда одновременно.

«А девочка, из-за которой вы пострадали, в больницу к вам приходила?» — спросил я Слуцкого.

«Конечно. Старшая сестра этой девочки — моя одноклассница, мы 10 лет проучились вместе, и она была старостой класса. И, естественно, они обе меня навещали. Более того, у ее родителей, в отличие от моей мамы, была машина, и они регулярно подвозили маму в больницу. Потом, пока я жил в Волгограде, мы общались, и я был на ее свадьбе. Но с тех пор как уехал, о ее судьбе не знаю».

Беспрерывные посещения продолжались и после выписки. То, что Людмила Николаевна, человек хлебосольный, при этом на всех готовила, стало предметом шуток в семье: мол, в институте разузнали, что мама Слуцкого всех кормит, и повалил народ из общежития! Подозреваю, что это была шутка, в которой имелась только доля шутки.

Но в любом случае то, что друзья и даже просто знакомые не бросили Слуцкого в беде, позволило ему во всей этой ситуации не сойти с ума. И не плюнуть на лечение. Мама, правда, утверждает, что год — это было не «чистое время» в больнице, а все вместе до восстановления, включая реабилитацию дома. Впрочем, не суть — это всё детали.

Если же возвращаться к «тренерскому» терпению, которое появилось у Слуцкого после госпиталя, то с версией имени Фёдорова — Казакова, озвученной мною в нашей беседе при подготовке книги, тренер согласился. И даже добавил драматизма:

«Спустя несколько лет я вспоминал тот период и фантазировал. И в тот момент мне позвонил президент «Олимпиа» Николай Николаевич Чувальский. Он часто звонил мне по вечерам. И тогда был на громкой связи, чего я не знал. В его кабинете сидел не только он, но и все его замы».

Чувальский спрашивает: «Что делаешь?» И я автоматически сказал то, что действительно делал: «Думаю». И слышу — такой ржач обций стоит! Они говорят: «Вот бездельник, делать ему не хрена! Думает он, видите ли!» Так вот, думал я о том, что если перенестись назад и попытаться повторить тот год в больнице, то лучше было умереть, чем еще раз через все это пройти».

Когда уже прошел — кажется, что не так страшно. Но когда представляешь, что все заново — нет, нет, нет! Сейчас понимаю, что это было очень важно для моего человеческого становления. Но тогда это было безумно тяжело».

Психофизиолог Виктор Неверов, работающий со Слуцким с 2006 года, в нашей беседе выдал свою версию относительно того, как подействовало на молодого парня происшествие, случившееся с ним в 18 лет:

«Есть такие понятия — «синдром льва» и «синдром кролика». Один человек внешне крутой, но когда его по-настоящему прижимают, вся боевитость куда-то уходит. У Слуцкого же чем все хуже, тем больше активизируются волевые качества. Когда все разваливается, он не опускает руки, а начинает работать вдвойне».

Вспоминаю историю, когда он свалился с дерева и из-за тяжелых травм не стал игроком. Да даже к лучшему, что свалился! Так был бы одним из посредственных вратарей. А тут стал доказывать в первую очередь самому себе, что что-то может. Это и был признак того, о чем мы говорили выше. Другой, пролежав год в больнице и закончив то, чем занимался до этого всю жизнь, опустил бы руки. А у него, наоборот, пошел подъем».

Выйдя из больницы, Слуцкий еще надеялся вернуться в футбол. Более того, с грехом пополам играл и в первенстве коллективов физкультуры, и в чемпионате области. Но потом все ребята, которые учились в Центре олимпийской подготовки вместе с Лёней, перешли в дубль «Ротора». И лишь одного Слуцкого туда не взяли. Тогда он и понял, что мечта стать серьезным футболистом так и останется мечтой.

Еще бы. Невероятно то, что он в этот самый футбол после больницы вообще играл — на любом уровне. Почему? А вы послушайте Леонида Викторовича.

«Футбол мне снился каждую ночь. А тогда, как я потом выяснил, ни о каком профессиональном футболе даже речи не могло идти. Там вопрос был о том, чтобы не присвоили группу инвалидности. В нашей палате был мужчина с точно такой же травмой. Он был старше меня – и остался инвалидом на всю жизнь. Я его периодически встречал, мы жили в одном микрорайоне. Он все время ходил с палочкой, так и не смог ногу даже чуть-чуть разработать. Она не сгибалась».

Людмила Николаевна добавляет: *«Он тяжело переживал, что в футбол играть не будет. Потому что очень этого хотел. А понимание того, что великим спортсменом он в любом случае не стал бы, думаю, пришло к нему позже. Тогда рана еще была свежа. Но какое могло быть возвращение в футбол, если у него каких-то косточек в колене не хватало – настолько оно при ударе было раздроблено? Попытка вернуться если и была, то скорее для себя, чтобы во всем убедиться. А вдруг чудо? Хотя чудо – это то, что разработали колено. Иначе хромота бы всю оставшуюся жизнь».*

Дмитрий Фёдоров говорит: *«Когда не знающие Слуцкого люди называют его мягкотелым, они не понимают одной очень важной вещи. Когда человек лежит год в многоместной палате ужасной советской больницы и большинство говорят ему, что он останется инвалидом, – это закалка на всю жизнь. Именно тогда у него появились воля, желание бороться и не сдаваться до последнего, которое теперь воплощается в том, что ЦСКА нередко вытаскивает самые безнадежные матчи».*

Но главное, что при всей появившейся со временем жесткости он в душе остался ребенком. Успех Слуцкого я объясняю тем, что он продолжает любить футбол так же, как мы любили его в детстве. Может, как раз потому, что травма лишила его профессиональной карьеры. Когда мы были маленькими, футбол для нас всех был чем-то невероятным, какой-то магией. И у меня полное ощущение, что он по-прежнему относится к этой игре с тем же восторгом».

...Они по-прежнему – не просто мать и сын, но и лучшие друзья. Можете вы назвать не то что знаменитого футбольного тренера, а любого из ваших 45-летних знакомых, состоявшихся семейных мужчин, кто раз в год ездил бы в отпуск с мамой? Не вдвоем, конечно, всей семьей, – но все же?

Слуцкий – ездит. В конце 2014-го они всей семьей были на восточном побережье США – в Нью-Йорке и Вашингтоне. В конце 2015-го – в Европе на горнолыжном курорте, который давно уже стал неременной частью зимнего отпуска Леонида Викторовича. Новый год вместе – для них это святое, в какой бы части света они в это время ни находились.

«Мы иногда с ним можем очень долго сидеть вот здесь, на диване, вдвоем, когда все спят, – говорит Людмила Николаевна. – До четырех утра, до пяти. И о многом, многом говорить. О том, что он никому не скажет. А я его слушаю – и иногда даже, как он говорит, даю правильные... Ну, может быть, не советы. Я даже Димке, хоть ему и 10 лет, советы не могу давать. А тем более Лёне».

Скорее всего, делаю правильные выводы из того, что он говорит. А потом, иногда даже знаю, что он хочет услышать. Исходя из обстановки и его настроения, могу даже немножко подыграть, чтобы ему стало легче. Три-четыре последние игры в 2015 году были очень тяжелые у нас в доме... Сразу после поражений никогда не звоню, не лезу в душу, – а вот если результат нормальный, минут через 20 после окончания игры, когда знаю, что он уже включил телефон, набираю...»

Огромную роль Людмилы Николаевны в жизни сына подчеркивают все, кто с ними близко знаком. Дмитрий Фёдоров рассказывает:

«Леонид с мамой и похожи, и нет. Похожи тем, что у них доброе сердце, добрая душа. Но мама, как мне кажется, – более экспрессивная, моментами более категоричная и жесткая во взаимоотношениях с людьми. Людмила Николаевна по натуре командир, Леонид Викторович – режиссер. Режиссер тоже может быть командиром, но в большей степени он должен находить общий язык с теми, кто находится у него в подчинении. А Людмила Николаевна и на отдыхе заставляет всех строем ходить».

Фёдоров при этих словах смеется. Но командирский дух мамы Слуцкого я уяснил и из некоторых ее реплик по ходу нашей беседы.

«Когда проигрываем, он приходит, ложится на диван и молчит. Мы где-то тут. Но его не трогаем. Я знаю, когда у него какое настроение и как с ним надо разговаривать. Иногда даже пожестче. А то, бывало, ляжет на диван и начинает: «Ой, все, мы проиграли. Мне теперь кажется, что моя команда никогда не выиграет. Это крах. Ну что я сделал неправильно?»

Слушала день, два, три, пять. А потом сказала: «Ну-ка хватит лежать на диване и жалеть себя. Сделал ошибки – значит, анализируй и не ной!» Знаете – подействовало. По себе знаю, что взгляд со стороны лучше, чем когда ты только сам в себе копаешься. Когда мне что-то скажут, я тоже многое начинаю понимать, в чем была не права. И важно, что Лёня готов слушать и слышать. По крайней мере меня – о других судить не могу.

С возрастом стала говорить и то, чего ему порой не хотелось бы услышать. Был такой момент, когда он немножко... Нет, не звездную болезнь поймал, а немножко перепутал работу с домом. Это больше касалось его отношения к Димке. Года два назад он пару раз излишне резко с ним поговорил – когда можно было сказать совершенно по-другому, без раздражения. На работе он может себя сдерживать, когда считает, что это нужно? Значит, и дома должен. Больше такого не повторялось».

Сам Слуцкий подтверждает:

«На самом деле мама очень жесткая по натуре. Когда я к ней приходил раньше в детский сад – мобильных телефонов же тогда не было, – я узнавал, где она, по крику. Она кому-то давала наставления, я слышал, на каком это этаже, в какой части сада, и уверенно шел туда. У нее был свой кабинет, но она могла за целый день туда вообще не зайти».

Дома они обсуждают спектакли, на которые часто ходят вместе, литературу – например, «Парфюмера» Зюскинда и «Похороните меня за плинтусом» Санаева. «Долго не могли прийти к единому мнению, спорили», – рассказывает Людмила Николаевна. Право, не знаю других футбольных тренеров с такой степенью ответственности и занятости, кто находил бы время на дискуссии об искусстве. Что ж, верен парадокс: чем более занят человек, тем больше у него свободного времени. Не для ерунды, конечно, а для чего-то такого, что стоит часов обсуждения.

На футбол при этом маме давным-давно ходить... запрещено. Однажды в Волгограде она из любопытства решила сходить на матч «Олимпии» с сыном во главе. Слуцкий отнесся к этому спокойно: команда выигрывала все напропалую, и вероятность того, что именно в этот день она проиграет, была где-то один к двадцати. Но так и вышло! С тех пор мама переживает за сына только на расстоянии. В том числе и в главных матчах ЦСКА и сборной.

«Так и было, – подтверждает Людмила Николаевна. – После того проигрыша детей в «Олимпии» Лёня решил, что я нефартовая и мне нельзя ходить на футбол. Но я и не сильно хочу, потому что не выдержу всего этого. Дома-то ухожу от телевизора, счет только гляну – и опять бродить по квартире. С утра в день игры поднимается давление, все знают, что трогать меня нельзя – ответить могу не так, как надо. Но, если честно, так хотела осенью пойти, когда сборная играла! Тем более что много наших друзей на те матчи ходили, да и Димка тоже первый раз на папин футбол выбрался. Хотелось выйти в свет и показаться. Но не тут-то было...»

Еще одна иллюстрация, насколько Слуцкий разный в жизни и в работе, не находите? Ведь с момента того поражения «Олимпии» прошло уже больше 20 лет. И очень интересно, что Леонид Викторович должен выиграть, чтобы его мама заработала индульгенцию и снова смогла прийти на футбол.

Но вот вам он совсем в другом обличье. Получив в «Олимпии» свою первую зарплату, Слуцкий, как с умилением рассказывает мне мама, принес домой... ананас.

«А мы с бабушкой и не знали, что это такое, как его есть, чистить, – вспоминает Людмила Николаевна. – Для Волгограда тогда это было диво дивное. И для меня тот ананас был дороже бриллиантов, которые Лёня подарил мне, попав в «Уралан»...»

С детишек в «Олимпии» и того ананаса 22-летний Слуцкий и начал свой невероятный тренерский путь. С самых низов – в ЦСКА, где он после первого чемпионства – того самого, что посвятит маме, – закажет и подарит всем причастным к той победе людям, а заодно и своим друзьям, 30 пар дорогуших именных часов. А потом – и в сборную России.

По сути, между тем ананасом и этими часами – никакой разницы. Просто другими стали возможности, а воспитание, ум, чувство благодарности остались прежними. Он не изменил себе – оттого и победил тьму.

Но сколько ради этого ему еще оставалось пройти...

Глава II

«Олимпия»: от лучших лет в жизни до предательства и криминала

Самое счастливое время в жизни... Для Слуцкого это не ЦСКА, где он впервые стал чемпионом и наработал на сборную. Не «Москва», где он получил первый свой шанс в премьер-лиге – и вывел команду без рода и племени на четвертое место в чемпионате и в финал Кубка.

Это «Олимпия».

По одному только этому периоду его жизни можно снимать кино. От счастья первых серьезных мальчишеских побед до предательства самого близкого человека. От ослепительного благородства одного из выпускников до бандитских «наездов». От пары десятков обожающих детских глаз до удара в челюсть судьбе. От мыслей, что в этой команде хочется работать до конца своих дней, до ямы, из которой, казалось, уже не выбраться.

«Олимпия» – это вся его жизнь в миниатюре. Более того, меня не оставляет ощущение, что амплитуда взлетов и падений Слуцкого за семь с лишним лет, проведенных в этой волгоградской команде, покруче, чем все, что случилось после, под объективами телекамер.

Роман Адамов, один из тех, кого Слуцкий вывел в люди, превратив 11-летнего мальчишку из городка Белая Калитва в лучшего бомбардира чемпионата России-2007 и бронзового призера чемпионата Европы, говорит: *«Я с Леонидом Викторовичем не раз поднимал эту тему. И он признает, что еще раз этот путь в детском футболе он пройти не смог бы. Энергетически, морально это было бы невозможно. Такое могло быть только с первой командой. С первой его любовью в футболе».*

Роль Слуцкого в своей жизни Адамов формулирует лаконично. Но так, что дополнительных объяснений не требуется: «Второй отец». И то же самое о нем может сказать каждый «олимпиец».

И если кто-то вправду считает Слуцкого счастливчиком – что ж, пусть узнает, через что он прошел в «Олимпии». Хотя уже одна история с падением с дерева и годом в больнице должна была вымарать это слово из любых характеристик тренера. Ничего себе счастливчик...

Мы сидим с президентом Детской футбольной лиги, бывшим (увы) членом исполкома РФС Виктором Горловым в его кабинете в Доме футбола на Таганке и говорим о Слуцком, с которым их как раз со времен «Олимпии» связывают давние и теплые отношения. Виктор Николаевич, когда-то спортивный журналист «Комсомольской правды», формулирует здорово. Заслушаешься.

«Судьба Слуцкого – это несбыточная сказка. Для обычного парня из Волгограда, никогда не игравшего на профессиональном уровне и начавшего в 22 года тренерскую карьеру в детской команде, дорасти до главного тренера сборной – это неосуществимо. Такого не бывает. Никто пока об этом не написал».

Послушайте, ведь мы все, будучи мальчишками, о чем-то таком мечтаем. Закрываешь глаза – и представляешь, как выходишь на решающий матч чемпионата мира на самый главный стадион и забиваешь решающий мяч. Или мечта начинающего, совсем молодого тренера – взять мальчишек со двора и вывести их в чемпионы. Чемпионы чего – это уж у кого какая фантазия. Области, России, мира...

Там сплелось все. В один и тот же год появилась наша Детская лига, а Лёня Слуцкий, прочитав о ее появлении, пришел к Николаю Чувальскому с идеей о создании своей команды. И тот загорелся. Сошлись три здоровые человеческие амбиции...»

Тут в кабинет Горлова со своей фирменной стремительностью врывается многолетний президент волгоградского «Ротора» самых славных его времен Владимир Горюнов.

Обнимаемся. Именно за освещение «Ротора» я и отвечал в 1990-е в «Спорт-Экспрессе», был на обеих славных играх с «Манчестер Юнайтед» в 1995-м, когда волгоградцы в Кубке УЕФА сенсационно прошли могучую банду Алекса Фергюсона. Сидя в ложе прессы «Центрального» на домашней встрече, я никак не мог предполагать, что на том же стадионе не отрывая глаз смотрит на британских знаменитостей 24-летний будущий главный тренер сборной России...

«Слуцкий? – тут же улавливает тему разговора Горюнов. И в своем стиле быстро продолжает: – Пахарь. Работяга. Трудом своим диким всего добился, а не какими-то интригами. Какое там везение? Попробуй поднимись так, как он! И в Волгограде его все уважали».

И это говорит президент «Ротора», у которого с «Олимпией» – а точнее, ее президентом Николаем Чувальским – в те годы была лютая вражда. Как выражается последний, «как Третий Украинский фронт». Это сейчас они поняли, что делить нечего, и стали друзьями, а пару десятков лет назад слышать друг о друге не хотели. И Чувальский нарочно не продал в «Ротор» ни одного своего игрока... Что же касается несбыточной сказки, так красиво озвученной Горловым, – тут интересен рассказ Людмилы Николаевны Слуцкой:

«Когда Лёня набрал «Олимпию», они через какое-то время начали ездить в Германию, Италию. У него тогда не было мыслей, что он будет работать на каком-то высоком уровне. Но помню, как он, приезжая с этих турниров, привозил домой фотографии великих стадионов этих стран. Просто стадионов. И как он о них рассказывал! О том, какая это красота, какие там трибуны. Он был без ума от них».

Пройдут годы – и на миланском «Сан-Сиро», одном из тех стадионов, от которых молодой Слуцкий был без ума, он во главе ЦСКА будет играть четвертьфинал Лиги чемпионов с «Интером». А еще полтора года спустя там же обыграет тот же «Интер» и второй раз выйдет в плей-офф главного футбольного еврокубка.

Так сбываются сказки.

Но как же все начиналось? Послушаем всех, кто в этом так или иначе участвовал или находился совсем рядом. К слову, версия главного героя полностью совпадает с горловской: «Олимпия», по сути, родилась из заметки в газете!

Слуцкий рассказывает:

«Я окончил институт, поступил в аспирантуру, думал заниматься научной деятельностью. Начал работать преподавателем на кафедре футбола. Свободного времени при этом было достаточно много – и в 1992 году параллельно стал работать детским тренером в обычной ДЮСШ (детско-юношеской спортивной школе. – Прим. И. Р.), в которой сам когда-то занимался. Она называлась ДЮСШ-11. Там был разрушенный стадион, раздевалок просто не было. Я набирал детей, от руки писал объявления, давал их маме, а она ходила и расклеивала их по району».

А в 1993-м читаю в еженедельнике «Футбол», что организовывается Детская футбольная лига для мальчишек 1982 года рождения, президент – Горлов Виктор Николаевич. А у меня как раз был 82-й в ДЮСШ-11, я их только набрал. И мне это показалось невероятно увлекательным проектом. Поэтому я Горлову всегда говорю, что вот это объявление в газете активно стимулировало мою карьеру. И поиск людей, которые взялись бы за то, чтобы команда участвовала в этом турнире».

Дело было за малым – найти финансирование. От обычной-то волгоградской ДЮСШ до всероссийской Детской лиги – как до Луны. Слуцкий прилаживался к однокурснику

Александром Лаптевым, чей тесть Виктор Иванов был председателем облспорткомитета Волгограда. То есть первым спортивным лицом области.

Леонид сообщил Лаптеву о своей затее, тот пересказал тестю, а Иванов как раз и посоветовал зятю обратиться к Чувальскому.

«Первым с ним встретился Лаптев, – рассказывает Слуцкий. – А потом уже пришел я. Дальше Николай Николаевич рассказывает историю, как увидел мои глаза – и понял, что команду нужно создать. Уж не знаю, что и как он увидел, но сказал так: «Давайте вы съездите, попробуйте, а я посмотрю, что у вас за команда. После этого и будем решать». И мы поехали на первый турнир в Богучар Воронежской области».

Людмила Николаевна добавляет к этому рассказу сына важный штрих: Лаптев подрабатывал у Чувальского ночным сторожем, так что обратиться к нему Александру было несложно. А его коммерческая жилка позволила так построить первый разговор с директором школы «Олимпия», что тот уразумел, где чья выгода. Хотя для Чувальского поначалу детская команда означала исключительно расходы, а до того, как ребята станут взрослыми и их можно будет куда-то продать, еще дожить надо было...

Тем не менее он согласился. Слуцкий стал набирать команду детишек 1982 года рождения, Лаптев – совсем маленьких, 1986-го. Мама говорит, что Леонид и тогда писал объявления от руки, но сын уточняет: нет, она путает с ДЮСШ-11. В «Олимпии» все уже было солиднее.

Там уже была спортшкола – и в придачу к отделению плавания Чувальский открыл отделение футбола, выделив его в отдельный спецкласс в его же школе. Мало того, в принадлежавшем боссу «Олимпии» детском саду один блок был отдан под жилье иногородних мальчишек.

А теперь послушаем самого Чувальского, ставшего позже чиновником и занимавшего кучу разных постов в Волгоградской областной думе, городской администрации и прочих властных структурах. Найти его удалось с помощью Горлова, который с президентом «Олимпии» приятельствует. Теперь Чувальский живет в Москве, однако поймать его в столице сложно – очень занят, – и об интервью мы договаривались два месяца.

Однажды сорвалось, когда я уже ехал к нему на дачу в такси: внезапная встреча с замминистра транспорта России. Но мы все-таки встретились на следующий день – в московском отеле «Корстон», бывшем «Орленке», на Воробьевых горах.

Чувальскому приятно чувствовать себя человеком, который запустил тренерскую карьеру Слуцкого. И на мой вопрос: «Как вы думаете, если бы не «Олимпия», Слуцкий каким-то другим путем пробил бы дорогу туда, где он сейчас есть?» – он мигом отвечает, причем для убедительности повторяя два раза: «Никогда. Никогда».

«Леонид долгое время ходил и искал людей, которые могли бы выделять деньги и при этом были приближены к спорту, – рассказывает Чувальский. – А я многие годы был борцом, когда-то подавал надежды и в футболе, привлекался в дубль одесского «Черноморца» (он родом из села Виноградное Одесской области, так что и тут без Одессы не обошлось. – Прим. И. Р.).

Так вот, зашел молодой человек. Если говорить откровенно – пацан пацаном. Но уже тогда – колоритная фигура. Очень эрудированный, грамотный, говорил хорошо. Наверное, мне это и понравилось. Когда ты его видишь – сразу начинаешь ему доверять. Тот же Гинер, уверен, пообщавшись с ним, как раз и понял, что перед ним стоит человек с большой буквы. И тоже доверил. Меня он точно так же «сломал». Нет, свой красный диплом он не показывал – я даже не знал, что он у него есть. Он очень скромный в этом плане, хвастаться не умеет. Просто я увидел в нем ту фигуру, которая сможет добиться цели.

Я тогда был директором хозрасчетного физкультурно-оздоровительного объединения «Олимпия». Это была спортивная организация, но имелась у нее и коммерческая деятельность. Футболом мы в то время не занимались – только плаванием. Слуцкий тогда тренировал другую команду. Он мне понравился, но вначале я был в раздумьях – взять ли на себя ответственность?

И тут Владимир Пармузин, который был тренером училища олимпийского резерва, пригласил меня принять участие как спонсора в турнире в Арабских Эмиратах. Я согласился, поехал туда – и насмотрелся. Приехали команды из всех стран – Франции, Дании, Германии. А мы привезли какую-то маленькую команду, я ее называл – ЖЭУ-54. Тем не менее внимание нам уделяли такое же, как и всем. Шейх в Абу-Даби, все на уровне.

Тут-то я и загорелся. Зачем мне других спонсировать, если своих можно возить? И, возвращаясь оттуда, я уже понял, что мы обязательно подружмся с Леонидом Викторовичем. Если он еще раз придет. И он пришел. Сказал ему: «Да». И он начал подбирать команду. С момента его первого прихода ко мне до решения прошло пять-шесть месяцев. Сначала это было первенство города, потом области, а когда начали выигрывать у всех, стали ездить на Детскую лигу.

А как он их развивал! Поэтому и говорю, что Слуцкий – человек с большой буквы. Ни один учитель в школе не дал им столько, сколько он. Не по математике или биологии, а для понимания жизни. Он не такой, как все. И в грязные игры никогда не будет играть!

Знаете, кстати, я ведь понимаю одну вещь. Хоть «Олимпия» и существует по сей день, последний раз я на детский футбол ходил еще во времена Слуцкого. Потому что он этим жил и умирал. Каждый матч для него был как последний в жизни, и это передавалось и мне. Потом такого не было никогда. И я перестал ходить...»

Речь у Чувальского достаточно специфическая, обрывистая. Порой, чтобы понять мысль, приходится переспрашивать. Его язык и язык Слуцкого – это два совершенно разных, во многом полярных русских языка, как и их характеры, корни, темперамент. Но так сложилось, что две столь различные личности объединились на много лет. И кто знает, не попадись тогда Чувальский на пути молодого тренера, не поддержи он его затею – не умерла ли бы она в момент рождения?

Вот что о Чувальском и их тандеме со Слуцким рассказывает Горлов:

«Николай Николаевич, как и Леонид Викторович, – талантливый человек, только в своей области. Это изумительный хозяйственник, управленец. Сложнейший человек, сразу скажу. Пусть они между собой разбираются, у них непростые отношения. Для меня и тот и другой – люди с большой буквы.

И оба – люди дисциплины, каждый по-своему. Лёня – уникальный человек в том, как он пашет, как относится к своей работе. Даже в молодости, когда его коллеги и напарники-тренеры приезжали на соревнования и занимались молодыми делами – кто за рюмкой посидеть, кто к девушкам, – Слуцкий сосредоточился только на своей профессии. За всю жизнь я его ни разу не видел нетрезвым. Его нельзя назвать полным аскетом, но внешне выпившим он не был никогда. Он всегда был адекватен, выпивал фужер вина – и хорош.

Помню историю, как отличился тренер юношеской сборной России, когда его команда совершала турне по Южной Америке. Автобус подошел – а его нет десять минут, пятнадцать. Капитан команды Андрей Рябых, восходящая звезда из «Олимпии», сказал: «А чего мы его ждем?» Кто-то на ломаном языке объяснил шоферу, куда ехать, – и двинулись. Рябых сам успел провести установку на игру, и только тут появился тренер.

Связываю это с тем, что в «Олимпии» не привыкли ждать. У Слуцкого все было как по секундомеру. И Чувальский – такой же, там все сошлось. У него была жесточайшая дисциплина. У борцов – особенный подход к жизни, это не игровики: если борец начал ломиться в дверь, то при наличии определенного ума эту дверь проломит. Коля – очень честолюбивый человек и если ставит цель, то идет напролом. Но тут еще сыграло роль, что младший сын Николая Николаевича хотел заниматься футболом. Он был помладше и вошел в один из следующих возрастов «Олимпии».

Ошибаются, кстати, те, кто Слуцкого размазней считает. В раздевалку «Олимпии» он никого не впускал. И, если надо, наорать мог как следует. В гневе становился как слон, который сейчас всех растопчет. Ругаться он умеет, и еще как».

Горлов до сих пор готов рассказывать посекундно, как познакомился с Чувальским. Такое не забывается.

«У нас тогда своего офиса не было, и мы снимали комнатёшку в одной из высоток-«книжек» на Новом Арбате. И вот в нашем кабинете появляется здоровый квадратный человек в кожаном пальто с завязанным ремнем. Это был Чувальский.

И начинает говорить. Мол, мы создали команду, она у нас классная, но мы не хотим начинать с первой лиги. А у нас тогда ДФЛ была разделена на два дивизиона. Он невероятно меня душил! Сначала заходил с лестью: «Виктор Николаевич, детская лига – это прекрасно!» Лесть не подействовала. Потом заговорил по-другому: «Да ты знаешь, кто мы такие?» Не сработало и это. Спустя много лет он признается: «Тогда я зауважал ДФЛ и понял, что у вас есть спортивные принципы, которые действительно не нарушаются». И Лёня по спортивному принципу начал с первой лиги».

Кстати, Чувальский с большим уважением отзывается о бывшем президенте ПФЛ и РФС Николае Толстых, говоря о его справедливости, – хотя тот его, бывало, и дисквалифицировал, и из кабинета своего выгонял. С предыдущей фразой Горлова это сочетается абсолютно.

Вскоре президент ДФЛ свел знакомство и со Слуцким.

«Им с Чувальским повезло встретиться, – говорит Горлов. – Чувальский никогда не ставил простых задач – только создать команду, собрать ребятшек с улицы, чтобы они с пользой время проводили. И Лёня такой же. Им надо было выигрывать. Слуцкий – специалист с красным дипломом, тоже максималист. Мог же запросто в институте физкультуры на тройки учиться – никто бы на это и внимания не обратил. Травма не позволила ему реализовать себя как игрока, и думаю, что это сыграло свою роль. Может, пришел к тренерской работе, потому что в детстве видел сны о футболе – как я, как ты, как все. Но мы-то их посмотрели и забыли, понимая, что это нереально. А он в них поверил».

Если вспомнить рассказ Слуцкого, что в больнице он каждый день видел сны о том, как возвращается на поле, – понимаешь, насколько Горлов прав. А тот продолжает говорить о Слуцком и Чувальском:

«Один видел, как с командой можно чего-то добиться, другой – как ее содержать. Слуцкому повезло узнать, что есть такой Чувальский, который руководит школой в Дзержинском районе Волгограда – его называли «На семи ветрах», потому что место там какое-то ветреное. Там раньше была общеобразовательная школа, а тогда модно было объединять все в какие-то конгломераты. Вот Коля и возглавил такое объединение «Олимпия», в котором были школа, бассейн, детский сад. С приходом Лёни прибавилась и футбольная школа. Есть, кстати, замечательная песня, их гимн. Разбуди Слуцкого среди ночи – он от начала до конца поет.

В первые годы своего существования это была абсолютная романтика, в лучших традициях Аркадия Гайдара. «Тимур и его команда». И когда мы познакомились, меня просто тянуло в Волгоград. А сама-то школа была лучшей в городе, ее окончание на 99 % означало, что ты поступишь в вуз. Это тоже говорит о таланте Чувальского, хотя сам он и не бли-

стает энциклопедическими знаниями. Но у него есть природный талант как у хозяйственника – выстраивать все правильно.

Я его не идеализирую, скелетов в шкафу у Николая Николаевича достаточно. Но что умеет – то не отнимешь. Создать лучшую школу – это значит подобрать людей и мотивировать их. Чувальскому это удалось. Как и не отмахнуться от Слуцкого, увидеть в нем человека с огромным потенциалом. И во многом благодаря «Олимпии» началось карьерное развитие ее президента – та же депутатская деятельность. И школу, и ее директора начали узнавать в районе, городе, области. «Олимпия», которую стали упоминать по всей России, оказалась его визитной карточкой в восхождении.

Помню, как мы приехали в Волгоград с президентом ПФЛ Николаем Толстых. «Олимпийским» ребятишкам Слуцкого было тогда по 15. Стадион «Олимпии» только начинал строиться, и Чувальский говорил Толстых: «Вот здесь будет то, здесь – это». Толстых, думаю, не верил – он столько прожекторов за свою жизнь в футболе видел...

А я верил, потому что видел, как Чувальский эту команду строил, как возвел базу, каких и близко нет в детском футболе. И в итоге построил великолепный стадион – для российского детского футбола это был какой-то «Уэмбли». С козырьком! Тому же старому «Локомотиву», где награждали наших детишек, об этом и мечтать тогда не приходилось.

Первое мое впечатление от Лёни? Худенький был, кудрявый. Очень стеснительный, интеллигентный человек. Поэтому как он убедил Николая Николаевича, которого очень непросто было уговорить, – не знаю. Когда Слуцкий с чем-то не соглашался, то не стоял на месте, а делал шаг вперед и говорил: «Да ну что вы!» И словно бодал головой. С Чувальским, кстати, он и при мне не соглашался, спорил. Но президент к нему прислушивался, особенно в том, что касалось игроков. По наводке Леонида Викторовича взяли Котова и Колодина из Камышина, Жданова из Белгородской области, Адамова из Белой Калитвы... Он сам подобрал этих ребят, и промахов у него не было».

Адамов подробно рассказал мне, как «Олимпия» нашла его.

«Я родился в Белой Калитве Ростовской области, там футболом и занимался. Но в те времена безденежье было, школы особо по турнирам не ездили. А у нас есть соседний город, Красный Сулин, и у них появился какой-то спонсор. Кто в других городах поблизости выделялся – они забирали к себе, и мы ездили на турниры. Вот третий такой турнир как раз и был в Волгограде.

Мой первый тренер из Белой Калитвы, Владимир Гаркавченко, посоветовал Викторовичу меня посмотреть. Спустя какое-то время после того турнира я приехал в Волгоград на просмотр. Вместе с родителями. У них отношения с самого начала сложились. Отдать ребенка в другой город – рискованный шаг, но они увидели Слуцкого, пообщались с ним – и после этого, как они мне спустя годы рассказали, отдали меня ему со спокойной душой.

Семья у меня была очень небогатая: мама работала в БТИ инженером, папа – чернобылец, дальнобойщик, автобус водил. Потом на пенсию вышел. Но отдали они меня не для того, чтобы лишний рот скинуть. Во-первых, они видели мое стремление играть в футбол. А во-вторых, такое впечатление на них произвел Викторovich. И школа у нас действительно хорошая была, о ней тогда уже в газетах писали».

В детском саду, превращенном в футбольный интернат, сделали евроремонт, организовали трехразовое питание. Слуцкий, как рассказал мне Чувальский, был задействован во всем этом процессе неотрывно. «Он, по сути, жил с ними в этом детском саду, – говорит президент «Олимпии». – Он делал невозможное. Он был им и папой, и мамой...»

К работе с мальчишками подключилась вся семья Слуцкого – и мама, и даже бабушка. Ее не стало в 85 лет, когда тренер проработал в «Олимпии» два года, но некоторые выпускники до сих пор помнят Марию Григорьевну. Когда-то они даже по-детски над ней подшучивали.

К старости бабушка стала плохо слышать – и, по выражению Людмилы Николаевны, «была у нас как автоответчик». Знала, что домой звонят только Леониду, и, когда его не было, сразу же отвечала: «Лёни нет дома». А однажды позвонил сам Слуцкий: «Бабушка, это я». А та не слушает: «Лёни нет дома!» И так несколько раз. Потом мальчишки долго ее передразнивали. А Адамов сам часто так отвечал, когда Слуцкий ему звонил...

Спрашиваю Слуцкого, легко ли было ему находить общий язык с Чувальским – до такой степени другим человеком, чем он сам. Тренер без сомнений отвечает:

«Легко. Сейчас вспоминается только хорошее. Николай Николаевич тогда был молод, энергичен. Мы быстро подружались семьями, ходили с мамой к ним в гости, праздники вместе встречали. Даже отдыхать однажды в Египет летали.

Он очень быстро полюбил команду, прикоснулся к футболу. Прекрасно помню такой случай. Мы были на турнире в Орехово-Зуеве и должны были играть финал. Жили в ужасной гостинице, я вообще спал на полу, потому что кроватей не хватало.

Чувальский приехал на «Мерседесе» – он и в те времена уже был достаточно обеспеченным человеком. Это было за два дня до финала. Он увидел нас – и тут же перевез команду в самый дорогой, насколько это было возможно в Орехово-Зуеве в 1997 году, отель. Мы стали есть в совсем другом ресторане. Было немало поступков, когда Чувальский действительно многое делал для команды.

История «Олимпии» вообще уникальна. По существу, мы могли собирать лучших игроков не только из Волгоградской, но и из Воронежской, Ростовской областей. Понятно, что за исключением ребят из Москвы и Питера, но чтобы провинциальная школа ни в чем не уступала школам ЦСКА, «Зенита», «Спартака», «Локомотива»...

У нас был свой очень приличный автобус. Да, не было полей, но их тогда не было нигде. У детишек в «Торпедо» и ЦСКА всю жизнь было только одно гаревое поле, мне тот же Игорь Акинфеев все уши прожужжал о том, как они на нем тренировались. И мы попали в такое время, когда у нас условия были ничуть не хуже, а может, даже и лучше, чем у ведущих московских школ. Футбол тогда был в загоне, 90-е годы, особо не до интернатов.

А мы могли проводить приличную селекцию, у нас было восемь иногородних футболистов. Чувальский создал действительно очень хорошие условия, он правда болел этим какой-то промежуток времени. Ну а позже это принесло ему и значительные средства».

К последнему мы еще вернемся. По версии Слуцкого, тот финансовый интерес президента самым прямым образом скажется и на его судьбе...

А когда работа Леонида в «Олимпии» только начиналась, он еще не оставил мыслей о научной карьере.

«Пока я работал с детьми в обычной ДЮСШ, еще не понимал, куда выведет ситуация, – говорит Слуцкий. – Мне было всего 22 года. Окончил аспирантуру, причем все кандидатские минимумы сдал на «отлично». Но защититься не смог, потому что уже был погружен в «Олимпию» с головой. Загруженность там была не ниже, чем сегодня, когда я работаю на очень серьезном уровне. С детьми требовалось выполнять большой объем работы. В результате диссертацию я защитил только в 2008 году. Работал тогда в Самаре, но защищался в московской академии на Сиреневом бульваре».

Сложносочиненное, как обычно и бывает в науке, название диссертации Леонид Викторович, чуть поднапрягшись, вспомнил: «Планирование учебно-тренировочной деятельности футболистов высокой квалификации на основе современных систем анализа игровых действий». И сам обрадовался тому, что память не подвела: «Вот так!»

Зато теперь, после всех его успехов, Слуцкого приглашают читать лекции в Сколково для топ-менеджеров на тему лидерства. Правда, в последние полтора года, по его словам, из-за нехватки времени он туда не ездил – но до того бывал, и это был «очень интересный опыт».

«По существу, это тема управления сложными коллективами, где несколько звезд, четкое распределение внутренних ролей. Делюсь своими наблюдениями, как сделать так, чтобы максимальное количество звезд были в наибольшей степени эффективны. Это очень интересная тема. И вопросы я получал любопытные».

Дмитрий Фёдоров развивает тему:

«На лекции в Сколково Леонид Викторович дал топ-менеджерам потрясающий совет. Он порекомендовал претендентов на какую-то вакансию выводить на поле и просить поиграть в футбол. Слуцкий считает, что через футбол проявляются все качества человека – и хорошие, и дурные. По тому, как сотрудник проявляет себя на поле, понятно, чего ждать от него в работе.

Уверен, он будет одним из первых читателей новой книги сэра Алекса Фергюсона «Лидерство». Слуцкий – очень хороший психолог и вообще увлекается этой наукой, читает книги по психологии. Если я узнаю что-то любопытное на эту тему – всегда рассказываю, потому что представляю, насколько это ему интересно. Например, любые мемуары спортсменов и тренеров он рассматривает в первую очередь именно с точки зрения психологии».

После этих слов неудивительно, что Слуцкий станет первым современным футбольным тренером в России, призвавшим в свой штаб психолога. А точнее, врача-психофизиолога Виктора Неверова, который теперь уже здорово зарекомендовал себя и в сборной России.

Что же до прерванной научной карьеры Слуцкого, то Чувальский уверен:

«В науке такой человек, как он, далеко бы пошел. Был бы доктором наук – не сомневаюсь ни на секунду. Хозяйственная жилка в нем отсутствует полностью. А вот научная, мозги... Лучшие никого не было.

Многие годы, когда я был депутатом, заместителем председателя Волгоградской областной думы, курировал социалку в регионе – всегда его вспоминал. Именно такого человека бы найти, чтобы рулить образованием в регионе или городе – идеальная фигура! Просто идеальная!

Но, хоть в науке он и мог достичь не меньшего, для него жизнь – это футбол. Если бы вы зашли в любую комнату, где он когда-либо жил – там одни видеокассеты или диски с матчами были. Он и тогда, и сейчас знает каждого игрока зарубежного! А меня на эту тему подкалывал, потому что я с трудом эти фамилии выговариваю...

Если он в политику не будет играть, то пойдет как тренер очень далеко. И уверен, что будет тренировать сильные зарубежные клубы. Между прочим, я за полтора года до его назначения в сборную в прямом эфире на волгоградском ТВ сказал, что он будет главным тренером сборной России. Он меня под столом толкает – ну зачем? А я это говорю, потому что ты вырос уже! Если посмотреть на всех этих зарубежных тренеров, которые здесь миллионы долларов зарабатывали, Слуцкий – это счастье для российского футбола!»

Не сомневаюсь, что Слуцкий, прочитав последние патетические фразы своего бывшего босса, громко хмыкнет. Почему – узнаете чуть позже.

Начинающий тренер все шишки набивает сам. Другого пути нет. Причем касается это и тех, кто играл в футбол на высоком уровне, и тех, кто этот путь не прошел. Нервы – они одни и те же у всех.

«У Слуцкого была история чуть ли не в первый год его работы в «Олимпии», – рассказывает Дмитрий Фёдоров. – Предстояла серия пенальти. Он назначил бывших и ушел куда-

то за пределы стадиона. Переживал так, что не мог смотреть. Пробили по пять ударов – ничья. Нужно было назначать нового пенальтиста, а тренера-то нет. Дети сами кого-то выпихнули на одиннадцатиметровый, и он его не реализовал. Проиграли...

И в тот день Леонид Викторович понял, что с командой нужно быть всегда, при любых обстоятельствах. Думаю, потому ЦСКА и спасает откровенно безнадежные матчи. Игроки чувствуют, что тренер рядом, с ними – кричит, эмоционализирует. После той истории Слуцкий никогда не отворачивается во время пенальти – в отличие, например, от Юргена Клоппа.

Надо понимать: каждый миг работы Слуцкого в «Олимпии» – это были нервы. И скорее даже за пределами футбольного поля, чем на нем. Причем с первых же дней.

«Помню, как-то поехали в пионерский лагерь в Урюпинск и купались в реке Хопёр, с невероятным течением, – рассказывает Слуцкий. – Мальчишки девятилетние плещутся, я считаю их по головам, они то ныряют, то выныривают... Вспоминаю – аж передергивает. На меня в столь раннем возрасте свалилась очень высокая ответственность. Я ведь должен был их и воспитывать – не у всех были благополучные семьи».

Чем взрослее ребята становились, тем чаще приходилось вызволять их из каких-то историй. Чувальский рассказывает: «Были среди мальчишек задиристые – тот же Андрюха Рябых. Бывало, подерутся с бандитами на улице – Николай Николаевич едет спасать. И Леонид Викторович тоже. Если что-то случалось, Лёня сразу прибежал, для него не было дня и ночи. А я разбирался, ловил по улицам тех, кто их обидел. Со мной лучше было не связываться».

Авторитетом для ребят Слуцкий был абсолютным, а его скепсис или критика по отношению к кому-то из них воспринимались как величайшая беда. Очень хорошо это понимаю: именно так мы, молодые журналисты, относились к основателю и главному редактору «Спорт-Экспресса» Владимиру Кучмию. Его слово было столь веским, что разгромный отзыв ввергал тебя в транс надолго.

Адамов вспоминает:

«Мне 33, я уже закончил карьеру, но мне до сих пор кажется, что Леонид Викторович всегда занижал мои способности. И в «Олимпии» казалось, что он несправедлив ко мне, и в «Москве», и в Самаре... Был такой момент. Мы один раз залезли к нему в журнал. Он там писал прогнозы, из кого какой получится футболист. Разок он забыл его в интернате, где мы жили. Мы, само собой, этим воспользовались. И я прочитал, что он видит меня максимум во второй лиге, а уровнем выше играть не смогу».

Наверное, это всю жизнь меня преследовало и злило. Многие вещи хотелось доказать даже не себе, а ему. И, кстати, благодаря этому многое начинало получаться».

По-моему, более высокой характеристики человеческого авторитета в глазах ребят придумать невозможно.

Рассказываю эту историю самому Слуцкому. Он смеется:

«Эту конкретную историю не помню, но с журналами было очень много веселых случаев. Их постоянно вел, записывал все свои ощущения после каждого матча. У нас была нереально смешная история в прошлом году, на очередной встрече «олимпийцев».

Когда иногородние ребята приезжают на эти встречи, ночуют все время у меня, потому что квартира пустая. И просят: «Леонид Викторович, покажите!» Я стал искать эти дневники, нашел. На следующий день сидели в бане и читали. Там были достаточно жесткие оценки по каждому. «Колодин – полный ноль!» Когда про кого-то начинали зачитывать, тот за голову хватался и уши затыкал, а другие ржали. И так про всех».

Это было очень любопытно читать – а еще любопытнее смотреть на их реакции. Они оспаривали оценки, которые я выставлял за матчи 20-летней давности! «Да Викторыч, какая тройка, я в той игре гол забил, голевую отдал!» А я уже и не помню – что я, могу помнить, кто там в 1996 году как сыграл?» И вполне допускаю, что такая история с Адамовым могла быть».

Глядя на интеллигента Слуцкого, очень трудно поверить, что когда-то он вел себя со своими игроками совсем иначе. Но вот его собственный, во многом шокирующий рассказ, который охотно подтверждали бронзовые призеры чемпионата Европы-2008 в составе сборной России Адамов и Колодин. Два воспитанника одной и той же провинциальной школы, дошедшие до большого турнира на уровне национальных команд, – этим показателем, при мне поразившим владельца «Интера» Массимо Моратти, Слуцкий может гордиться не меньше, чем двумя чемпионскими званиями и выходом в четвертьфинал Лиги чемпионов.

«В «Олимпии» я очень сильно довлел над футболистами. Там был жесточайший контроль и, можно сказать, гестаповские меры. В десять вечера они должны были обязательно быть в своих комнатах, четко ходить на уроки, в рассчитанное по минутам время есть, спать. Почему так сурово? Я видел работу всех выпускных годов спортиинтернатов, дружил с ребятами оттуда. Поэтому прекрасно понимал, в чем причина резкого спада у большинства юных иногородних футболистов, там проживающих: всю тренировочную работу и весь талант они «спускали» в свободное время. Были выпуски, в которых прямо со школьной скамьи человек шесть-семь отправлялись в места не столь отдаленные. Времена были сложные – 1990-е годы.

В общем, я прекрасно понимал: вся моя работа улетит в трубу, если не сумею установить достаточный уровень контроля над иногородними ребятами в «Олимпии». И на это я тратил гораздо больше сил и времени, чем непосредственно на тренерскую деятельность. Так не просто ни один из тех мальчишек после выпуска не сел в тюрьму, но из 20 человек моего выпуска 17 заиграли в командах мастеров!»

Методы работы у Леонида Викторовича тогда были специфические. Колодин в одном из интервью обмолвился, что тренер их и отлупить мог. Слуцкий признается:

«Лупил, и практически всех! Там не было других вариантов. Сейчас я об этом, конечно, жалею, но в том возрасте, в котором они ко мне поступили, это был самый эффективный способ воздействия. Если они делали что-то чересчур не так, то получали «леца» или пару пендалей. Это имело очень быстрый эффект: чтобы объяснить, что мальчишки делают не так, требовалось два часа беседы, а вылетающий «лец» тут же делал свое дело.

Наверное, это неправильно, но я сам был еще молодым человеком, а уже приходилось воспитывать большую группу очень сложного народа. В подростковом возрасте они и вовсе были готовы пуститься во все тяжкие. Я и предметы разные в раздевалке тогда много раз швырял. В стену или просто в неопределенном направлении летали и стулья, и пластиковые бутылки. А вот в человека никогда ничего не кидал. Но гроыхало изрядно. Часто ждал перерыва для того, чтобы взбадривать их таким образом. Но самое главное, что никто из них не в обиде. Они знают, сколько времени я на них потратил. У меня ведь на том этапе и личной жизни не было. Я женился, только когда закончил работать в «Олимпии»...»

Роман Адамов в нашей беседе раскрыл некоторые детали того, как Слуцкий их воспитывал:

«Я был в первых рядах тех, кто от Леонида Викторовича получал! Это абсолютная правда! За все. Поводы мы, подростки, ему всегда давали, натворить все время что-то могли. Да и позже. В «Уралане», где меня уже не было, он в Дениса Колодина то ли бутсу, то ли мяч запустил. Там историй достаточно много – сядем, как всегда, под Новый год, вспомним.

Меня он бил, допустим, узнав, что я курить начал. Кто-то меня сдал с сигаретами. Расплата наступила на следующий день, в восемь утра. Я спокойно спал. И тут мне как по лицу дали моими же паспортом и свидетельством о рождении! «Собирай вещи, ты отчислен».

Хорошо, у него удар тогда не поставленный был – это только сейчас он боксом занялся. Так что я особо не почувствовал. Я понял, что тренеру сдачи не надо давать, просто упал и все. Мне было лет 16 или 17. Но у нас к нему настолько большое уважение было, просто огромное, что мы не злились на такие вещи абсолютно. Потом ребята пошли и попросили Слуцкого за меня, как обычно у нас бывало. Оставили...

Режим был очень жесткий, Леонид Викторович вам еще не все рассказывает. На самом деле мы вообще не выходили никуда, фактически сидели на постоянном карантине. Были времена, когда мы сразу после тренировки должны были ехать в детский сад, на территории которого жили. Он мог в любой момент позвонить нам по телефону, каждый должен был подойти к аппарату и сказать: «Я здесь». И приехать мог в любой момент. Методов наказания много было – и дежурством, и, когда постарше и у нас зарплаты появились, – уже и деньгами.

Поверьте, у него за спиной мы говорили очень много нехороших слов про Викторовича. Как несправедливо он к нам относится и т. д. И т. п. Но по прошествии времени говорю ему огромное спасибо за все это. Даже люди, которые не заиграли в футбол, – все равно его воспитанники. И он в каждого очень многое вложил.

Время тогда было немножко другое. И методы относились к тому времени. Представляете, сейчас какой-нибудь родитель выложит такое видео. Да тренера сразу лицензии лишат, к детскому футболу не подпустят! А мы все состоялись в футболе и в жизни во многом благодаря Леониду Викторовичу. Любые слова благодарности будут недостаточными, таких слов найти невозможно.

Я ведь был далеко не самым талантливым футболистом, а очень много работать меня научил Слуцкий. Без этого я бы ничего не добился. Жаловался ли я на его методы родителям? Да что вы, мне даже в голову такое не приходило! Кстати, и у них отношения с ним сложились теплые.

За «двойки» и «тройки» в школе он нас не наказывал. У нас для того возраста были колоссальные физические нагрузки, и он это понимал: 11 тренировок в неделю! И дорога от интерната до того места, где мы тренировались, была долгая: полей у «Олимпии» тогда еще не было. А потом еще и обратно в школу ехать. Еще и учиться по-настоящему очень сложно было. Он требовал только того, чтобы мы не прогуливали.

Не сказал бы, что был какой-то один момент, после которого мы его начали уважать. Он ежедневно своим фанатизмом, трудом, отношением к нам зарабатывал это уважение. Вернее, делал так, чтобы его уважали. У него был настолько интересный тренировочный процесс, он так увлекал нас разнообразными упражнениями, что нам даже в голову не приходило думать, что он сам на профессиональном уровне в футбол не играл.

Орал ли он на нас? А вы в манеж волгоградский съездите, у наших олимпийских чемпионов по легкой атлетике спросите, которые тогда тоже начинали. Лена Исинбаева, Татьяна Лебедева – они до сих пор все наши имена-фамилии знают. Там такой крик стоял каждый день, что они нас всех знали наизусть. И матерился в том числе.

Скорее мы его боялись, чем нет. Наверное, страх у нас шел параллельно с уважением. Но он был. А боялись мы скорее не самого Викторовича, а того, что, если что-то сделаешь, нас могут выгнать. Уж какой-никакой разум в 15–16 лет, но мы понимали, что это лучший детский клуб, какой только можно придумать. И в перспективе оттуда можно выйти в большой футбол. И был страх потери этого клуба, помноженный на уважение к Слуцкому».

Когда я спросил, бросил ли он после этого случая курить, Роман усмехнулся:

«Нет. Стал лучше прятаться! Когда Слуцкий поймал – было стыдно. Но так и не бросил. До сих пор курю...»

«Олимпия» росла. И входила во вкус побед. Первая из них случилась в 1996 году. Виктор Горлов рассказывает:

«Заканчивается финальный турнир чемпионата ДФЛ в Москве. В финал выходят «Олимпия» (Волгоград) и «Динамо» (Москва). И тут я принимаю революционное решение – в Москве не играть. Потому что это нечестно – устраивать решающий матч на поле одной из команд. Через телекомментатора Геннадия Орлова договариваемся играть на «Петровском», на Малой арене. Впервые в истории игру детской лиги транслировали по Российскому телевидению. Был тогда в Питере канал «Российский университет», и матч, пусть в записи, но показали.

Моя верная помощница Берта Григорьевна Панова-Забелина (вдова капитана «Локомотива» Геннадия Забелина. – Прим. И. Р.), почетный железнодорожник, через министра путей сообщения Конарева и начальника Московской железной дороги Паристого добилась того, чтобы к питерскому поезду прицепили специальный вагон. Туда посадили команду «Динамо». Родители рвались в этот же поезд – и чуть меня не побили. Не понимали: как это их, родителей, не пускают. А мы говорили: «В этом вагоне едут только дети!» Такого прецедента больше не было.

А «Олимпия» к тому времени купила шикарный немецкий автобус – многие команды мастеров такого не имели. Написали на борту название клуба – красота! И волгоградцы со Слуцким поехали на нем из Москвы по Ленинградскому шоссе.

«Динамо» тренировал заслуженный мастер спорта, трехкратный чемпион Союза Юрий Константинович Кузнецов. Где был тогда Кузнецов и где Слуцкий? Я, признаюсь, болел за «Олимпию», это все-таки был чистый продукт Детской лиги, создавалась для ДФЛ. И был счастлив, когда она выиграла.

Знаете еще, почему? Потому что «Динамо» имело право играть в соревнованиях под эгидой РФС, а «Олимпия» по тогдашним правилам – нет. И очень хотелось, чтобы волгоградцы доказали, что наша лига не слабее. Московские клубы поначалу к нам шли неохотно, говорили: у нас есть чемпионат Москвы, мы самодостаточны. А в итоге большие половины юношеской сборной России 1982 года рождения, вышедшей в финал чемпионата Европы, составляли «олимпийцы». Я говорил в РФС: так назначьте Слуцкого главным тренером. Там тогда смеялись...

Когда в детстве тебя какой-то сосед на год старше бьет, бьет, и вдруг ты вырастаешь и однажды уже вмажешь ему – после этого авторитетов для тебя уже нет. Поэтому думаю, что для Лёни та победа в 1996-м была чем-то очень большим. Может, она и сыграла переломную роль в его биографии? Когда я смотрел на него в «Москве», то уже не сомневался в его будущем – и ЦСКА не стал для меня никаким откровением.

Мне приятно слышать, когда Лёня говорит, что если бы не было ДФЛ, неизвестно, состоялся бы он как тренер. В том смысле, что тогда не было бы и «Олимпии». Ей банально негде было бы играть...»

В одном из интервью несколько лет назад Слуцкий обмолвился, что до сих пор, когда ему тяжело, включает видеокассету с финалом чемпионата ДФЛ 1996 года. Но когда я уточнил у него этот момент в декабре 2015-го, когда мы беседовали в Париже, он сказал: «Уже нет».

Но он по-прежнему все помнит, словно это было вчера. Помнят и его игроки. Например, Адамов:

«Эмоции были очень сильные. Мы тогда не были фаворитами, по уровню считались где-то четвертой-шестой командой в лиге. «Динамо» тогда было объективно сильнее нас. Но мы взяли и выиграли. Причем проигрывая после первого тайма 0:2. Но нападающий Андрей Рябых

и вратарь Серега Котов, который до сих пор стоит в Туле, вытащили ту игру. Андрюха забил два мяча. И это не комбинации были, а его личная заслуга.

В серии пенальти я не участвовал – меня к тому времени поменяли, чтобы на замену вышел парень, который хорошо бьет пенальти. И, само собой, он не забил! Но мы все равно выиграли. И эти эмоции останутся на всю жизнь, сколько бы лет ни прошло».

Слуцкий однажды рассказывал, что там было все – шампанское в 14 лет, купание в Неве... Адамов уточняет: «Шампанское – это громко сказано. По два глотка сделали. Но было такое, да! А в Неве купался один Слуцкий, больше никто – холодно все-таки. Это был уговор: если выиграем чемпионат России, Слуцкий прыгнет в реку около стадиона «Петровский». И он сдержал свое слово.

Президент клуба тогда больше родителей отблагодарил, чем нас. Родителям, помню, телевизор подарили. А нам много и не надо было – мы просто радовались тому, что сделали. Второй год после этого выиграли очень легко. Вот туда уже ехали фаворитами, и никто нам по большому счету серьезного боя не дал. Даже питерская «Смена» в финале. Вел 2:0, играли с большим преимуществом. Они один мяч в конце отыграли, но больше и моментов не создали. По драматизму с финалом 1996-го не сравнить».

Слуцкий не только возился с юными «олимпийцами» на футбольном поле, но и всячески приучал их к культуре – водил, например, по театрам, постоянно устраивал какие-то интеллектуальные игры. Его целью было запустить этих ребят в полноценную жизнь, а не только на газон и в раздевалку.

Адамов вспоминает:

«Мы учились в футбольном спецклассе, но сам лицей «Олимпии» был общеобразовательным. И там каждый раз перед Новым годом учителя против учеников играли в КВН. А нас все в школе называли дураками. Футболисты, мол, что с них возьмешь. Участвовать в этих КВНах нас даже не звали.

Так Викторovich однажды пришел в учительскую и говорит: «Если мы выиграем у вас всех в КВН, вы перестанете моих воспитанников называть дураками?» – «Перестанем». Тогда у нас и появилась команда «Третьи сыновья» – по мотивам анекдота, что было у матери три сына: два умных, а третий футболист. И мы выиграли!»

После этой истории известная всем любовь Слуцкого к КВН начинает играть новыми красками. Так что не только у футбольных побед тренера корни идут из «Олимпии», но и у его знаменитого танца на Первом канале в финале КВН за команду из Волгограда. Откуда же еще?..

Людмила Николаевна рассказывает: страсть к самостоятельности у сына – еще со школы. И он пронес ее через всю жизнь. На свадьбу защитнику ЦСКА Георгию Щенникову футболисты красно-синих под водительством Слуцкого записали целый фильм-поздравление. Было несколько скетчей, каждый играл свою роль. И некоторые, включая Сергея Игнашевича, по признанию Слуцкого, справились с актерской задачей шедеврально. Роман Адамов не особо удивится даже рэпу, который Слуцкий, уже будучи главным тренером сборной России, читал на его свадьбе в декабре 2015-го. Поскольку чего-чего, а разнообразных творческих проявлений за столько лет знакомства с Леонидом Викторovichем насмотрелся – мама не горюй.

«Чего-то такого я от него ожидал, как и все «олимпийцы», кто был на свадьбе, – говорит Адамов. – А вот люди, которые лично его не знали и смотрели на него как на главного тренера сборной, конечно, были в шоке. Следующие две недели они все подходили ко мне – и никак не могли от этого шока отойти. Правда, сам он был недоволен, что видео с этим рэпом выложили в Интернете. Как публичный человек, понимал, что такое возможно, но «добро»

не давал. И если бы у меня кто-то из друзей спросил: «Можно ли?» – я бы сказал – нет. Но у меня и не спрашивали.

Текст этого рэпа они придумывали вдвоем с Олегом Яровинским, спортивным директором ЦСКА и тоже моим другом. Ездили записывали на студию. Прodelали, в общем, огромную работу, учитывая его график. Но вот такой у нас главный тренер сборной России, так он относился и относится к своим друзьям. Он успевает все! А Яровинский записал мне поздравление со свадьбой еще и от Гуса Хиддинка. Когда ЦСКА играл последний матч Лиги чемпионов с ПСВ, Гус заезжал к ним в гостиницу. И на свадьбе включили видео с этим поздравлением. От Гуса Ивановича Хиддинка!»

По словам Людмилы Слуцкой, Леонид сам писал сценарии ко всем номерам своих ребят в КВН – в общем, был задействован во внефутбольной жизни команды по полной программе. И вообще, семейной теплоты в той «Олимпии» было море.

Как рассказывает Виктор Горлов, после побед его команды на первых турнирах картина была такая. Весь преподавательский коллектив школы собирался в столовой – от завуча до учителя музыки. Накрывали огромный стол. Не на каких-то VIP-местах, а вместе со всеми сидели и Чувальский, и его гости, включая того же президента ДФЛ. И за каждым столом – шепот со счастливым придыханием: «Сейчас Лёня придет».

А Лёня в это время разговаривал со своими ребятами. Участники пира тем временем не притрагивались к еде и напиткам. Они ждали главного героя. И когда он появлялся из-за занавеса, раздавалась буря аплодисментов.

Все (кроме Чувальского, естественно) были бедны, никто никому не завидовал, все относились друг к другу по-человечески. Это было то лучшее из советских и первых постсоветских времен, чего сейчас уже не найти. Мой многолетний коллега по «Спорт-Экспрессу» Саня Мартанов вспоминал случай из своей юности: когда он окончил вуз и получил диплом, то стал в своем пролетарском доме в Кожухове первым человеком с высшим образованием.

И когда с дипломом добрался до дома, увидел во дворе... накрытый стол. За которым весь дом ждал его – чтобы отпраздновать их общий праздник.

Та Россия осталась в прошлом. И тот же Горлов подтверждает: чем богаче становилась «Олимпия», тем неотвратимее уходил романтический дух команды 1982 года рождения.

Но дух этот сохранится у «олимпийцев» того созыва. И будет оживать раз за разом, каждый год, во время их традиционного сбора в Волгограде.

«На эти встречи приезжают абсолютно все, – рассказывает Адамов. – Независимо от статуса, ранга, социального положения. Сколько шуток и историй из прошлого можно вспомнить! Поэтому встречи и делаем, чтобы все это не замыливалось. Чтобы за проблемами, которые есть у каждого, не забывалось того, с чего начиналась наша жизнь. Пару раз Леониду Викторовичу, правда, пришлось пропустить из-за занятости в ЦСКА. Но сейчас мы стали собираться, когда осенняя часть чемпионата и Лиги чемпионов заканчивается. Не знаю, как к другим людям, но в отношении нас, друзей, он не поменялся ни на грань».

В качестве подтверждения мама Слуцкого рассказывает, чего стоило сыну в прошлом декабре выбраться на свадьбу самого Адамова, да и не только:

«Лёня прилетел из Эйндховена, где ЦСКА играл в Лиге чемпионов. На следующий день улетел в Волгоград, где каждый год помимо «олимпийцев» встречается с одноклассниками. Там сложилась устойчивая компания: классный руководитель, шесть девочек и он. Сидят в ресторане, он всем подарки делает.

Он пообщался с ними, потом сел за руль и в ночь уехал в Ростов на свадьбу Адамова. Попрасновал там. Был выходной, на следующее утро Димка в школу не шел и допоздна не ложился. Где-то в полночь подходит: «Бабушка, смотри!» А в Интернете как раз выложили рэп, который он Роме исполнял. Внук с друзьями общался, и кто-то из них ссылку прислал: «Смотри, Димон, твой папа рэп читает! Вот это у тебя классный папа!»

После свадьбы в два часа ночи он сел на самолет и прилетел в Москву, а в 11 утра улетел в Париж на жеребьевку финального турнира чемпионата Европы. Из Франции прилетел в семь утра, а в полдень они вместе с Димкой, который в предыдущий день на своем самокате порвал связку ноги, улетели в отпуск в Калифорнию...

Вот такой нынче график жизни у главного тренера ЦСКА и сборной страны. Такое впечатление, что он успевает то, чего не успеют пятеро других в складчину. Ведь в Париже после жеребьевки Слуцкий успел еще дать нам с коллегой по «Спорт-Экспрессу» Дмитрием Симоновым почти часовое интервью – и выглядел при этом как огурец. Тогда, кстати, я впервые и ему рассказал об идее этой книги.

То, что при таком режиме он успевает ездить в Волгоград и встречаться с командой своей юности, дорогого стоит. И о многом говорит. Адамов рассказывает, что между всеми без исключения выпускниками той «Олимпиады» сохранилась крепчайшая дружба – и не важно, заслуженный ли это мастер спорта Колодин, он же Колода, или Чика, Владимир Чекунов, который толком нигде не играл. Когда они встречаются, между ними нет абсолютно никакой разницы. Так же как между Слуцким и теми «олимпийцами», которые сейчас тренируют детей в Волгограде и вовсе не стремятся к высотам, до которых дотянулся сам Леонид Викторович из своих «коротких штанишек».

Шутки у «олимпийцев» особенные, не всем понятные. Как вспоминает Людмила Николаевна, на одну из встреч Леонид взял с собой единокровного брата Дмитрия, живущего в Мюнхене. Собрались все в бане. Туда пришел уже упомянутый выше Чекунов и начал рассказывать, что ему уже три месяца зарплату не платят. Тему подхватили, начали шутить, подкалывать его. Брат, привыкший к реалиям Германии, потом в изумлении спрашивал Леонида: «Лёня, как? Человеку не платят три месяца зарплату. Ему кушать нечего. А вы над ним смеетесь!» Ему не дано было этого понять...

Не забуду, как на матч «Москва» – ЦСКА явился защитник «Динамо» Колодин, чтобы поддержать нападающего «горожан» Адамова. Явился в шарфе «Москвы» и с... подушкой, на которой был изображен Роман. Адамов пообещал сделать то же самое на матче бело-голубых – и сделал. Да что там – они готовы делать друг для друга гораздо более серьезные вещи.

Интересную историю рассказала Людмила Николаевна насчет одноклассников Слуцкого (один из которых, Сергей Маланюк, входит в ближний круг его друзей). На 20-летию выпуска один из них выпил лишнего и огорошил тренера признанием: «Слуцкий, как ты мне надоел! Я за тобой всю жизнь гонюсь. И никак не могу тебя переплюнуть».

Тот парень был очень амбициозен и мечтал о славе. Но не смог подняться выше торговли в Волгограде зимней резиной для автомобилей – бизнес неплохой, но вполне заурядный...

Следующий рассказ Слуцкого драматичен. Он – о психологической ломке начинающего тренера, о том, как ему лишь в последний момент хватило интеллекта и воли измениться и не растерять того человеческого потенциала, который был накоплен.

«Сначала профессионального уровня достигла «Олимпия», и с ней во втором дивизионе я, естественно, методов работы не менял. Потом меня пригласили в дубль «Уралана» из Элисты, и со мной перешла большая группа ребят из «Олимпии». Я пытался чуть ли не их личную жизнь контролировать: с какими девчушками общаться, с какими – нет... Делал это, естественно, из лучших побуждений. Тот же Колодин уже играл в основном составе «Уралана», выступавшего в премьер-лиге, и зарабатывал хорошие деньги. А я вел себя по отношению к нему, как прежде.

И столкнулся с очень жесткой позицией. Почувствовал с его стороны отторжение. Какие-то вещи он делал просто мне назло. Я понял, что это просто-напросто закончится

разрывом отношений. А так как отношения с «олимпийцами» для меня очень ценны и по сей день, то мне хватило мозгов понять, что они уже выросли. Хвалю себя за то, что дал себе установку: ты не должен над ними доветь, максимум – давать советы, и то если они за этими советами обратятся.

У меня была очень сложная «ломка» – как у родителей, когда дети становятся старше. Через несколько лет в Волгограде произошла нашумевшая история разрыва нашей волгоградской великой прыгуньи с шестом Елены Исинбаевой с ее многолетним тренером Евгением Трофимовым. Лена – ровесница моих пацанов, все время видел ее в манеже и великолепно знаю Трофимова. Произошел этот разрыв потому, что она уже была олимпийской чемпионкой, а тренер не смог справиться с мыслью, что она уже выросла. У Лены пошли контракты, гонорары – а он пытался во всем участвовать. Поэтому она и выбрала Виталия Петрова. Уверен: тренеру не хватило такта, чтобы в какой-то момент «отпустить» воспитанницу».

Эти слова Слуцкий говорил мне шесть лет назад. Но вот что интересно: прошло время, и Исинбаева ушла от Петрова назад к Трофимову. Со временем эмоции спадают, и мы начинаем ценить тех, кто сделал для нас в жизни больше всех...

«Да, Слуцкий пытался контролировать личную жизнь ребят, – говорит Адамов. – Мне кажется, это была не столько жесткость, сколько переживание за те труды, которые он в нас вложил. Это я сейчас стал понимать. А раньше нам казалось, что мы все взрослые, самостоятельные люди. Но он имел право так переживать! Он вложил в нас, думаю, гораздо больше, чем человек в принципе может сделать!»

А Слуцкий, прирастая опытом, менялся. Узнать что-то новое он пытался при каждом удобном случае. В 28, уже тренируя «Олимпию» во второй лиге, он оказался в одном отеле с «Анжи» и напросился на встречу с опытейшим коллегой Гаджи Гаджиевым.

Гаджиеву надо отдать должное – он, освободившись от своих дел лишь к часу ночи, согласился побеседовать с безвестным коллегой. Разговор затянулся до четырех утра. Слуцкий схватывал каждую деталь – а сейчас большинство молодых тренеров, рвущихся на стажировку в ЦСКА, безмерно удивляют Леонида Викторовича тем, что не задают ему вопросов, а говорят сами и жалуются на свою нелегкую судьбинушку.

Вот поэтому, замечу, Слуцкий сейчас там, где за ним наблюдает вся страна, а эти ограниченные стажеры никогда ничего не добьются.

На первых порах в автобусе, на котором команда Леонида Викторовича подъезжала к стадиону на игру, по советско-российской традиции стояла гробовая тишина. Но прошло время – и в автобусе, как и в раздевалке, стала гроыхать музыка. Так же делают, например, в Англии, где тренеру хотелось бы когда-нибудь поработать.

Просто Слуцкий понял: искусственная скованность и напряжение не помогут лучше подготовить команду к игре. *«Теперь я только за две минуты до выхода на разминку могу сказать, как игроки настроены. Даже за пять минут до разминки определить это еще невозможно»,* – говорил он мне в 2010-м. А с тех пор, вероятно, уяснил для себя миллион других нюансов.

Потому что одно из главных достоинств Слуцкого как раз и заключается в умении все время учиться и меняться – при этом в главном не изменяя себе никогда.

О том, сколько Слуцкий вкладывал в своих мальчишек и как к ним относилась вся его семья, рассказывает Роман Адамов:

«Могу похвалиться: я любимчик у Людмилы Николаевны. Всегда тепло к ней относился – и она, по-моему, тоже. Даже чуть-чуть лучше, чем ко всем остальным. Был один случай. У меня сильно поднялась температура. А она была заведующей в очень хорошем детском саду. Так взяла три выходных и с утра до вечера со мной сидела, ставила горчичники, поила,

откармливала – в общем, лечила. Сейчас это оцениваешь, а тогда, как ребенок, воспринимал как должное. Она очень добрая. При этом, как заведующая детским садом, к подчиненным была и достаточно строгой».

Людмила Слуцкая улыбается – она-то знает, что ко всем «детям Слуцкого» относилась одинаково, но каждый думал, что к нему – лучше, чем к другим. И вспоминает:

«Немного не так было. Леонид мне Адамова привел с высокой температурой – это да. Но сначала я отвела его в больницу – она была недалеко, полчаса пешком. У мальчика был отит, стреляли уши, и я боялась заниматься самолечением. Помню, доктор спрашивает: «Ты с кем пришел?» Рома отвечает: «С мамой». Они все между собой меня мамой называли.

Я его оставила в больнице, потому что доктор сказал: «Надо». Но когда пришла домой, увидела там Рому! Пока шла, он успел из больницы сбежать и примчаться раньше меня. Ну что мне оставалось делать? Не могла же я его второй раз отправить в больницу, если ребенку в 11 лет страшно там было одному оставаться? Ну и вообще он шептун был, настырный.

Тогда уже пришлось уйти с работы на несколько дней, и мы дома его лечили. Мы вообще всех дома лечили. Лёня приводил всех детей. Кто-то закурил и был пойман? Домой на профилактику, неделю у нас живет. Кто-то еще сильно провинился? Тоже домой, под жесткий контроль. Он очень строго относился к ним в плане курения, пива, режима вообще. Так и надо было.

И он такой был по отношению ко всем. Для него не было различия, кто талантливее, кто нет. И я не смотрела на них с этой точки зрения. Меня они интересовали как маленькие личности, я наблюдала, как они себя ведут – у нас, между собой... И для Лёни «Олимпия» была всем. Главным в жизни для него было воспитать этих мальчишек и выпустить их в более высокий мир. О том, что есть какая-то жизнь кроме «Олимпии» и после «Олимпии», ему тогда и в голову не приходило.

Как бы он ни был к ним суров, они все так любили его! Ну и меня заодно тоже. Можете представить, до сих пор нет ни одного человека из «олимпийцев», кто не поздравляет меня с днем рождения, 8 Марта и Новым годом. Прошло столько лет, они уже все взрослые мужики, семейные. И все до сих пор с этими тремя праздниками поздравляют, они для них – святые».

Пройдет несколько лет – и Адамов подпишет свой первый серьезный профессиональный контракт. После чего совершит поразивший многих детских тренеров (об этом мне рассказывал Горлов), да и не только их, поступок – даст своему первому тренеру Слуцкому серьезную сумму денег – вроде бы речь о 40 тысячах долларов – для покупки двухкомнатной квартиры в Волгограде.

«Мую маму это поразило больше, чем меня, – говорит Слуцкий. – Сам я всегда спокойно относился к материальным ценностям, был заиклен на работе. А мама многие годы этих мальчишек бесконечно кормила, поила, обстирывала. И все это происходило с приговорами, что, мол, сколько можно, ведь, когда вырастут, даже «спасибо» не скажут! Форма благодарности, выбранная Адамовым, ее просто потрясла.

Многие вещи в «Олимпии» я делал, отталкиваясь не от профессиональных, а от личных отношений. В противном случае тот же Колодин по любым стандартам должен был быть отчислен. В 15–16 лет он был значительно ниже 1 метра 70 сантиметров и не мог даже попасть в заявку на матч. Я оставил его в команде не из-за предчувствия, что он вырастет и прибавит. А потому что просто по-человечески не мог отчислить мальчишку, с которым в команде столько вместе прожито. То же самое – с Адамовым. Целый год он серьезно болел, бесконечно лежал в больницах.

Естественно, президент «Олимпии» (Николай Чувальский. – Прим. И. Р.), как человек, который нес материальную ответственность, все время говорил мне о том, что Колодина с Адамовым нужно отчислить. Сегодня, в сугубо профессиональной жизни, я бы поступил именно так. А тогда вроде бы делал по-дилетантски, отталкиваясь от личных эмоций. Но

в итоге именно люди, которых нужно было отчислить, стали самыми известными футболистами. Расцениваю это как ответную плату за то, что в самый трудный для них период поступил по-человечески – отчислить-то было значительно легче.

Но сегодня такое невозможно. Как бы хорошо или плохо я ни относился к человеку, при выборе основного состава руководствуюсь исключительно профессиональными моментами. И давным-давно не таскаю за собой никого из «Олимпии» – при том что у нас остались великоленные отношения. Я убил в себе это желание. Потому что один из моих принципов таков: нельзя искать решения в прошлом».

Людмила Слуцкая комментирует тот поступок Адамова так:

«Не то чтобы я обстирывала, готовила – и ждала, что кто-то когда-то мне скажет спасибо. Нет. Просто могу же я поворчать! Не более того. Но, конечно, я была потрясена. Сегодня немножечко к такому привыкла – когда люди не просто «спасибо» говорят, а благодарят как-то еще. По тому же Лёне вижу, как он делает это и для своего первого тренера в футбольной школе, и для Василия Васильевича Дергача, и для многих других. А тогда это было не принято. И потом, это большие деньги были. Значительная часть квартиры».

Чувальский подтвердил: действительно, хотел отчислить Адамова, который вечно лечился, да Слуцкий его отстоял. Сам же Роман по поводу квартиры высказывается так:

«Есть человеческая благодарность. И оценка роли человека в твоей жизни, того, сколько он вложил в тебя сил, нервов – всего. И мамы его, которая меня выхаживала. На тот момент я мог это сделать финансово. И сделал.

О том, что я был под угрозой отчисления, он рассказал, когда мы уже ушли из «Олимпии». А тогда старался не травмировать нашу психику. Потом я уточнил: да, такие моменты были. Про Колоду я тогда еще слышал, может, и про меня за спиной шептались.

У Дениса вообще очень тяжело переходный возраст проходил. А я был очень маленьким и начал бурно расти. Постоянно то спина болела, то колени, то простуда, то отит... Организм, видимо, не справлялся с быстрым ростом, и на этом фоне проявлялись всякие болячки. Наверное, президент клуба, который платил, на тот момент был прав.

И надо отдать должное Викторычу, что он нас отбил, да еще и так, чтобы мы об этом не узнали – потому что это могло на нас очень сильно повлиять. Можно представить, каких ему стоило усилий и аргументов, чтобы нас оставили. Отчисление стало бы для меня самой большой трагедией в жизни, от которой было бы очень тяжело оправиться. Тем более в том возрасте, когда молодого человека швыряет в разные стороны».

Нынешняя волгоградская квартира Слуцких – уже другая. Позже, уже начав более или менее прилично зарабатывать, Леонид купил новую, более современную и просторную – 120 квадратных метров.

«Меня спрашивают: «А зачем вам квартира в Волгограде, если вы там не живете и жить уже никогда не будете?» – говорит Людмила Николаевна. – Но мы ее не будем продавать. Потому что в Волгограде покоится моя мама, Лёнина бабушка, которая вложила очень многое в его воспитание. И мой муж, отец Лёни. И сама я сказала похоронить меня только там. В городе, где родились мои сын и внук. Потому что неизвестно, где будет Лёня, где Дима, как вообще повернется жизнь. А там у нас уже есть свое место...»

Если бы не щедрость Адамова, новую квартиру Слуцкий, подозреваю, купил бы еще не скоро. Чувальский, например, характеризует его так: *«Он никогда в жизни не говорил про деньги. Ему это было неинтересно. Таких людей, как он, больше не знаю. Интерес, сколько он получает, вообще отсутствовал. Это находка какая-то! Я иногда задумывался над этим».*

Из каждого слова Чувальского на эту тему сквозит изумление – что такие люди, оказывается, бывают. В какой-то момент он поймет, что на этом бессребреничестве Слуцкого можно и сыграть...

Интересно было узнать, когда и почему в «Олимпии» решили не продавать выросших футболистов поодиночке, а переходить всей командой из детского в профессиональный футбол. Или по крайней мере пытаться это сделать через чемпионат КФК – коллективов физкультуры.

«Это решил не я, а Слуцкий, – говорит Чувальский. – Все футбольные решения он принимал. А чтобы меня уговорить, каждый день методично подходил к своей цели. Раз скажет – замолчит, реакции ждет. И мне самому интересно стало. Другое дело, что возможностей особых не было. Чтобы играть во второй лиге, надо было строить материальную базу, а для этого находить деньги. Строили рынки, плавательные центры – доходы же с чего-то надо было получать. Это и сейчас сложно, а тогда еще сложнее было. Процентов 60 от расходов на «Олимпию» лежали на мне, остальное давали город и область.

Леонид Викторович никогда не занимался хозяйством и многого не понимает. Я ему не раз объяснял, что ежедневно кормить, одевать и обувать футболистов, возить их на соревнования, купить для них импортный автобус, какого ни первая, ни вторая лиги не имели, – это нужно очень любить футбол. Отбиться это не могло никак. 300 тысяч долларов, которые я в итоге заработал на продаже футболистов из команды Слуцкого – Адамова, Колодина и Рябых, – это намного меньше, чем мы потратили.

Ведь и стадион свой уже после его ухода построили, и загородный клуб, где сейчас будет тренировочный комплекс к чемпионату мира. В детском футболе такого и близко ни у кого не было! Но нам нужно было двигаться дальше, и я это понимал. Поэтому и согласился с мнением Леонида Викторовича».

Желание всей команды и ее тренера перейти на более серьезный уровень подкрепили успехи в международных турнирах. Например, в немецком Мюнстере, где участвовала целая группа топ-клубов – естественно, их юношеских департаментов: «Бавария», «Барселона» и многие другие. «Олимпия» ухитрилась там занять второе место, уступив в финале «Барсе» лишь со счетом 0:1.

По словам Чувальского, именно Слуцкий нашел выход на члена совета директоров «Интера» Габриэле Джулини, и «Олимпию» пригласили в Милан.

Двенадцать лет спустя, в феврале 2009-го, главный тренер «Крыльев Советов» Слуцкий с делегацией волжан, подписывавшей договор о сотрудничестве с «Интером», окажется на базе «нерадзурри» в полудне езды от Милана. И пока руководство самарцев во все глаза будет рассматривать трофеи великого клуба, впервые услышу от Слуцкого: «А я здесь когда-то уже был. С «Олимпией». После того как встреча завершится, я попрошу тренера рассказать, как это произошло.

«В Милан мы с «Олимпией» приезжали два года подряд – в 1996-м и 1997-м, – ответит Слуцкий. – И синьор Моратти (тогдашний владелец клуба, богатейший итальянский нефтепромышленник. – Прим. И. Р.) пришел на один из наших матчей. Играли на детско-юношеской базе «Интера», и в связи с внезапным приездом босса там поднялся ужасный переполох: нам сказали, что Моратти впервые посетил клубную академию, и для ее сотрудников это было грандиозное событие. Тогда мы с Моратти просто поздоровались, ни о каком общении речи, естественно, не было. Но вот сейчас он говорит, что вспомнил наш визит. Может, из вежливости?»

А может, потому что мы выиграли! Интересно, что ребят из «Интера» тогда тренировал Пепе Барези, старший брат Франко Барези. Сегодня (то есть в 2009 году. – Прим. И. Р.) Пепе работает помощником у Жозе Моуринью в основной команде. Получается, за этот промежуток времени у нас с коллегой шел параллельный карьерный рост.

Поездки для нас организовывал член совета директоров «Интера» Габриэле Джулини, тесно связанный с Россией и прекрасно говорящий по-русски. По тем временам для нас было сделано просто нечто: каждому из пацанов подарили полную экипировку «Интера» вплоть до курток. Следующий сезон в турнирах Детской футбольной лиги, а потом даже в третьем дивизионе чемпионата России мы играли в форме «Интера». И уже одной формой многие детские турниры выигрывали! Потому что, выходя на поле, иные команды-соперницы смотрели на нас – и уступали еще до игры.

И завидовали наверняка. Тем более что мы побывали и на базе главного «Интера», сделали огромное количество фотографий. Тогда главной звездой был бразилец Роналдо, играли Джоржаефф, Бергоми, Дзанетти. Все с нашими ребятами спокойно фотографировались. А у нас в команде были Колодин с Адамовым. Я сейчас сказал Моратти, что из той нашей команды два человека в прошлом году стали бронзовыми призерами чемпионата Европы. Он сильно удивился. Ответил, что нечасто бывает, чтобы из одной детской команды, тем более региональной, выросли два призера европейского первенства».

Можно чуть-чуть похвалиться прозорливостью, уважаемый читатель? Опубликовав в «Спорт-Экспрессе» этот рассказ Слуцкого, я снабдил его ремаркой: «Вот так Слуцкий с разницей в 12 лет приехал в «Интер» как детский тренер и как участник партнерского контракта с «нерадзурри». Кто знает – может, однажды пожалуйет уже как главный тренер той самой сборной, двоих из которой воспитал?»

Сборную Слуцкий, у которого на тот момент еще не было ни одного трофея, возглавит спустя шесть с половиной лет...

Вот чего я точно в начале 2009 года предполагать не мог – так это приезда в Милан Слуцкого через год с копейками на четвертьфинал Лиги чемпионов. Причем в роли не зрителя, как в тот раз (мы с ним ходили на игру «Интера» с «Манчестер Юнайтед»), а главного тренера ЦСКА. Первого с 1996 года и последнего на сегодня российского четвертьфиналиста Лиги чемпионов...

Адамов, когда я ему напомнил о той интеровской форме, отреагировал по-детски: «Знаете, какое счастье у нас было? Ух!» И если он выражается так в 33, то можно представить, что это значило для них в 15–16...

После победы 2:0 над сверстниками из «Интера» клуб Массимо Моратти, по словам и Чувальского, и Слуцкого, хотел купить двух футболистов «Олимпии». По одному из них данные расходятся: президент называет Колодина, главный тренер – Бочкова. А по второму все совпадает: Андрей Рябых.

Почему не продали? По словам Слуцкого, никто в то время не знал, как это делается, и все побоялись взять ответственность. А Чувальский уточняет: «В тот момент мы еще были любительской командой. Были бы профессиональной – вопрос был бы на сто процентов решен». И тогда, может, из Рябых что-то вышло бы...

«Главное мое разочарование», – отзывается о форварде Слуцкий, между прочим, крестный сына Рябых. Талантом Андрей считался фантастическим. Главный тренер юношеской сборной России 1982 года рождения Александр Пискарев говорил: «У нас средняя сборная. Рябых – и все остальные». При том что в ней играли Кержаков, братья Березуцкие, Измайлов, Адамов, Колодин...

Адамов подтверждает: «Рябых, безусловно, был у нас номер один». Чувальский вообще называет его «одним из самых талантливых игроков в истории российского футбола». Даже если сделать поправку на склонность эмоционального президента «Олимпии» к гиперболам, то эти три слова тренера – «главное мое разочарование» – говорят о многом.

По мнению Чувальского, если бы Слуцкий все время был рядом с Рябых, тот не пошел бы неверной дорогой и не закончил с футболом так рано. Но взрослая жизнь – это не детский сад, в котором жили иногородние «олимпийцы»...

«Как он с «Интером» играл? – вспоминает президент «Олимпии». – Проходил пешком всю игру. Я его начал подгонять. Он: «Сколько дадите, если забью?» – «Сто евро». Выходит и забивает. 1:0. Когда хотел – все мог!»

Если этот случай не выдумка – он многое объясняет. Да даже если и нафантазировал чуток Николай Николаевич – никто ведь не считает, что, дескать, карьере Рябых помешали серьезные травмы или другие обстоятельства непреодолимой силы. Адамов, например, лаконичен: *«Почему у Рябых не получилось? Не думаю, что есть смысл об этом говорить».*

А Горлов формулирует диагноз так: *«Лень и еще раз лень. Как Лёня ему говорит: «Давай я каждый год, приезжая, буду тебе новый диван дарить. Твоя жена говорит, что ты его продавливаешь от просмотра телевизора». Так можно себя загубить...»*

Потому и пробивают себе дорогу в большую игру не жемчужины вроде Рябых, которые осознают свой талант и считают, что им за это все само упадет в руки, а работяги наподобие Адамова. Который, в свою очередь, стал крестным для Димы Слуцкого. Вон как в этой «Олимпии» все переплелось – и правда, настоящая семья...

Адамов вспоминает:

«Как-то у нас был с Викторовичем разговор. Я сказал: «Если у вас сын будет, я стану крестным!» – «Хорошо». И когда на свет появился Дима, он сразу позвонил: «Ты же говорил!» Я тогда только подписал контракт с «Москвой», и мы прямо из Москвы рванули в Волгоград. Покрестил – и уехал домой в Ростов. Правда, если честно, крестный отец из меня не очень хороший. Диме можно было уделять гораздо больше внимания. Тут и удаленность, наверное, влияет. Если бы жили в одном городе – наверное, было бы по-другому».

В награду за такие победы, как в Мюнстере и Милане, Чувальский купил «Олимпии» автобус. Солидник! Можно переходить во взрослые соревнования. Что сразу же после второй подряд победы в ДФЛ в 1997 году команда Слуцкого храбро и сделала.

Все их отговаривали – мол, без шансов. Но соревнования КФК – или третью лигу, как это тогда называлось – они прошли за два года. В первом сезоне только что вышедшие из детского футбола 15-летние мальчишки, конечно, не смогли на равных биться со взрослыми мужиками.

Но, освоившись и оббившись, на следующий сезон выиграли Кубок КФК и вышли во второй дивизион. Профессиональный! «Сложновато было», – признается Адамов. А Чувальский рассказывает, что Слуцкий не собирался отсиживаться в середине или тем более среди аутсайдеров из-за того, что играет фактически детьми. Только первое место!

И это при том, что судьи за молодую команду взялись сразу. Горлов рассказывал, как приехал на один важный выездной матч «Олимпии» – арбитр там делал свое черное дело, не таясь. Президент ДФЛ попробовал было его усовестить – так тот даже не стал скрывать, что его «зарядили». И чем! Тушенкой с Орского мясокомбината.

В каждой лиге – свои тарифы... *«Думаю, если бы у «Олимпии» нашлось финансирование под первую лигу, уверен, что этим составом мы вышли бы и туда»*, – заметил Адамов.

Но у Чувальского другое мнение на этот счет:

«Я не Абрамович и не Гинер, но Слуцкий никак не может этого понять. Да, я не бедный человек, но для детского футбола. Вторая лига – это деньги не для первенства ДФЛ. Для нашего клуба – сумасшествие. У нас шло строительство стадиона, тренажерного зала, мне больше надо было думать о хозяйстве, чем о футболе. Тут, конечно, город и область помогли. А Слуцкий показал себя человеком, который пойдет очень далеко. Он отличался от всех. Жаль, что возможности не позволяли нам пойти еще дальше».

И если я делал жесты доброй воли для того, чтобы играть в какой-то лиге, то заведомо кого-то грабил. Не доделал детский сад, плавательный центр, стадион... Я же мог эти деньги

вложить туда, а не в команду. Леонид никогда не сможет этого понять, потому что это не его проблема. Он знает, что есть команда, завтрак, ужин, медицина, предыгровая тренировка. А все это хозяйственное разгрести он никогда бы не смог».

Там-то, в уже повзрослевшей «Олимпии», молодой тренер Слуцкий и получил свой первый в карьере жесточайший урок. Это случилось 3 июля 2000 года, в Саранске. В том самом городе, где 15 лет спустя он совершит чудо: ЦСКА, проигрывая после первого тайма 0:3, победит 6:4. Не в последнюю очередь потому, что в перерыве Слуцкий совершенно спокойно, безо всякого крика, скажет футболистам: *«Если проиграем – всем составом полетите на кубковую игру в Иркутск»*. Этого хватило...

В Саранске-2000 все было немного по-другому. И не только потому, что соперником Слуцкого была не «Мордовия», а «Светотехника» – будущий победитель зоны «Поволжье». *«Слуцкий – педагог с большой буквы. Но судье может врезать»*, – сочно формулирует Чувальский. Тогда случилось именно так.

«Судейство во второй лиге оказалось специфическим, – вспоминал Слуцкий. – Клуб не делал ничего, чтобы оно было другим. Мы просто играли в футбол. Соперники поступали иначе, мы начали проигрывать, – и я видел, как буквально на глазах ребята, привыкшие выигрывать, психологически ломаются.

В тот день в Саранске все сошлось воедино. Сначала нам забили гол из километрового офсайда – и он был засчитан. Потом назначили пенальти – позже Экспертно-судейская комиссия признала, что им там и не пахло. Футболисты начали выталкивать судью за боковую линию – как раз в техническую зону, где я находился. Тут арбитр показал парню, который даже не дотронулся в подкате до соперника (но был наказан 11-метровым), красную карточку. И встал с этой карточкой в метре от меня.

Я всегда считал, что футбол – вершина справедливости. С этим чувством много лет тренировал «Олимпию». В тот момент у меня было чувство, будто кто-то незаслуженно бьет моего ребенка – и, как отец, я не выбирал методов защиты. Видел, что на меня смотрят эти 17–18-летние пацаны, которые не понимали, что происходит, и своими взглядами говорили: «Защитите нас как-то, в конце концов!» И на каком-то абсолютно рефлексном уровне у меня вылетел правый боковой. Таковую вот я выбрал форму защиты. Хотя, конечно, и ужасным способом. Бить судью – не самый эффективный способ изменить мир».

Слушаю этот рассказ и понимаю: опять гены! Виктор Борисович Слуцкий был мастером спорта по боксу. И у его сына в состоянии стресса сквозь всю его интеллигентность это однажды тоже прорвалось. Зрелище, как вспоминает сам Слуцкий, было жуткое – у арбитра Николая Павлова из Чебоксар была разбита бровь, кровь так и хлестала. До финального свистка Павлов тогда кое-как доработал – но потом за свои художества в том матче был пожизненно дисквалифицирован и больше не судил никогда.

Адамов, непосредственный участник событий, говорит:

«По отношению к судейству в том матче слова «хамство» и «беспредел» будут звучать слишком мягко. И даже «убивали» – это не то слово. Я участвовал в играх, когда нас «убивали» на уровне премьер-лиги, но такого не видел вообще никогда. У меня до сих пор слов нет.

Мы понимали, что нам тяжело придется, но это не лезло ни в какие рамки. «Светотехника» же ничего сделать не могла! Они с пенальти забили, 2:0 повели, в большинстве остались – казалось, все ясно. А мы их вдесятером начали гонять так, будто нас – человек 15, а их вдвое меньше. И сравняли – 2:2. Потом нам забили гол из пятиметрового офсайда – и его засчитали. Ужас...»

Поскольку потасовка была коллективной, Адамов пропустил момент удара, который Слуцкий нанес арбитру. Впрочем, Леонид Викторович и сам достаточно подробно об этом рассказал.

Однако Николай Чувальский не согласен с мнением, что клуб не делал ничего, чтобы защитить команду от судейского произвола. При этом аргумент приводит в прямом смысле зубодробительный: по словам президента «Олимпии», он собственноручно... выбил два зуба одному излишне наглomu рефери. Имело ли это какие-то последствия, история умалчивает – но факт, что в Саранске, где Чувальского не было, над командой издевались, остается фактом. И последствия в данном случае всем известны.

«Сколько судей были наказаны за то, что они издевались над детьми, брали деньги! – говорит Чувальский, и отчего-то ему веришь. – Бывало, мы проигрывали 0:2, я заходил в судейскую – потом 4:2 выигрывали. При всяком стечении обстоятельств. Знаешь, что сильнее на голову, – и проигрываешь из-за какого-то негодяя со свистком, которому жмут карманы 30, 40, 50 тысяч рублей. У нас таких возможностей не было. И Слуцкий был категорически против этого. Он вообще в эти игры никогда не будет играть. Для футбола Слуцкий – самый большой россиянин! Я ведь, когда попал в футбол, начал изучать все его интриги. И знаю, о чем говорю.

Но защищать от негодяев мне приходилось. Иной раз во второй лиге сидит полная ложка – генералы, губернатор. А нас убивают. И он тогда глазами сразу меня находил. Такие жалакие у него глаза были – что-то надо делать, убивают же! Приходилось заходить в судейскую, рассказывать. Некоторые понимали с первого раза, что нельзя это золотое яйцо в российском футболе уничтожать. Пусть еще хоть один детский клуб скажет, что у него есть два заслуженных мастера спорта!..»

О том, как Чувальский заходил в судейскую, знали только сами судьи, а Слуцкий в Саранске сорвался один раз – но при всем честном народе. Шокированы были все. Людмила Николаевна вспоминает:

«Когда я узнала, что сын ударил судью, это меня сильно удивило. Леонид же никогда, даже в детстве, не дрался! Сегодня вижу, что он может как-то выплеснуть эмоции, хоть и далеко не так. А тогда даже не представляла, что он это умеет делать. Он же сильно переживал. Но даже не за то, что ударил – он до сих пор считает, что поступил справедливо. А за то, как засудили его мальчиков, как он говорит, внаглую, не скрывая.

Его же тогда могли лишить тренерской лицензии на всю жизнь. В РФС решался этот вопрос. Полгода – это был еще не худший вариант. Сам Вячеслав Колосков решение принимал. Он не знал лично ни Лёню, ни того судью. Заслуг у сына тогда еще никаких не было. Просто он так решил. Повезло».

Дальше был разбор полетов на КДК РФС. В результате 12 июля на страницах «Спорт-Экспресса» в новостной рубрике «У своих ворот» под заголовком «Наставник «Лады» Гармашов отстранен на две игры, а тренер «Олимпии» Слуцкий – до конца сезона» появилась заметка, в которой, в частности, было написано: *«Бюро КДК отстранило до конца сезона от исполнения официальных обязанностей во время матчей первенства и Кубка России главного тренера волгоградской «Олимпии» Леонида Слуцкого, ударившего в ходе игры «Светотехника» (Саранск) – «Олимпия» (второй дивизион, зона «Поволжье») арбитра Николая Павлова. Руководству ФК «Олимпия» рекомендовано рассмотреть вопрос о целесообразности использования Слуцкого в качестве главного тренера».*

Чувальский – пусть и не сразу, а спустя полгода – к этой рекомендации прислушается. Кстати, во втором круге «Олимпия», с формально дисквалифицированным, но наблюдавшим за игрой с трибуны Слуцким, возьмет у «Светотехники» уверенный реванш, прервав ее 12-матчевую победную серию...

В 2010 году Слуцкий в нашей беседе вспоминал:

«Меня дисквалифицировали на полгода. Но это еще полбеда. Самый жестокий урок заключался в поведении президента «Олимпии». В принципе ведь именно он отвечает за то, чтобы над командой не издевались и она имела какую-то защиту. И хотя я работал в этом

клубе долго, с истоков, и воспитал всю эту когорту игроков, которая в будущем принесла ему серьезные дивиденды, – он в этой ситуации никак меня не поддержал и выступил за дисквалификацию! После того сезона я и покинул «Олимпию», поскольку после такой истории иначе не мог. Я понял, что в мире профессионального спорта каждый за себя».

Сейчас мы со Слуцким поговорили на эту тему подробнее. Выяснились новые, весьма интересные детали.

«Я уже миллион раз говорил спасибо Алексею Спирину, потому что меня хотели дисквалифицировать пожизненно. Судья там реально был неправ, ему как раз и дали пожизненную, он больше никогда не судил. А когда решался вопрос обо мне, Спирин встал и сказал: «Это молодой тренер, давайте дадим ему шанс».

С версией, что он не сделал ничего, чтобы отстоять Слуцкого, Чувальский категорически не согласен. Слыша это, президент «Олимпии» даже начинает немного кипятииться:

«Пусть при мне это скажет! Перед КДК мы с администратором «Олимпии» Костей Дроновым приехали в Москву и проводили встречи с членами КДК. Снисхождения просили. Как я мог не пытаться отстоять Слуцкого, если вкладывал в этот клуб деньги, а он был его главным тренером?! А на судей он еще и в Крымске, и в Сочи злился, очень резко с ними разговаривал – для меня это неожиданно было. Я всегда кричал ему: «Тише, нас накажут!»

Перед КДК нам дали понять: молчите, другого варианта нет. Все равно он продолжит тренировать, просто не будет сидеть на лавочке. Ну и сядет рядом на трибуне, какая разница? А большей дисквалификация быть не могла».

По части опасности пожизненной дисквалификации, как видим, данные расходятся. Склонен доверять Слуцкому – хотя бы потому, что КДК, как мы уже читали, «рекомендовал «Олимпии» рассмотреть вопрос о дальнейшем пребывании». И это при том, что за молодого тренера заступился такой авторитетный человек, как бывший рефери и руководитель судейского комитета Спирин, работавший на чемпионатах мира!

«Полгода за удар судьбы – это еще «отскок» был», – используя типично футбольную терминологию, подтверждает Адамов. То, что именно судья не стал защищать корпоративные интересы и предложил не наказывать тренера на полную катушку, вне всяких сомнений, повлияло на решение КДК.

Грех было не позвонить Спирину, чтобы уточнить подробности. Он многое вспомнил. И подтвердил мою версию.

«КДК тогда руководил Виктор Маруцак, а я, будучи председателем инспекторского комитета РФС, представлял там судейско-инспекторский корпус. Входил в КДК лет десять и имел полную поддержку от Маруцака по всем вопросам, связанным с оценкой работы арбитров.

Конечно, в моем положении по идее надо было защищать судей и требовать принятия самых жестких мер в отношении Слуцкого. Ему действительно грозило очень серьезное наказание вплоть до запрета на профессию. Сейчас не вспомню пофамильно, но были люди, говорившие: «Вы – начинающий тренер и позволяете себе такие вещи. Надо закончить с этим делом, а через энное количество лет, когда одумаетесь, может, и вернемся к этому вопросу». Было несколько случаев с пожизненной дисквалификацией – по-моему, с тренерами команд второго дивизиона из Вышнего Волочка, Стерлитамака...

Но тут все было сложнее. Арбитр допустил очень грубую ошибку, и Леонид Викторович не сдержался, пошел доказывать свою правоту. Но тут важно, что неправильно себя повел местный резервный судья, из Саранска. Помню, что его звали Роман. Будучи совсем невысокого роста, он попытался остановить Слуцкого, причем вступив с ним в физический контакт, да еще и, по-моему, в пределах технической зоны. А ты поди такую машину останови! Конечно, Лёня его продавил и направился к главному арбитру. Это выглядело комично. Я тогда шутил,

что Моська пыталась залезть на Слона. Мы этот эпизод потом даже показывали судьям на сборах, как делать нельзя. Все смеялись.

Кстати, это поспособствовало тому, что дисциплинарный комитет принял более мягкое решение. Потому что резервный судья, проявив ненужную агрессию, Слуцкого спровоцировал. Поведение этого человека было неадекватным и не соответствовало тем требованиям, которые мы предъявляем резервным судьям. Ему просто надо было встать и указать Слуцкому на его место в технической зоне. Я хорошо видел всю эту ситуацию на видеозаписи и понимал, что повод для возмущения у Слуцкого был.

Тогда, конечно, он был неизвестен, и никто не знал, что он вырастет даже в тренера премьер-лиги. Это был его – и «Олимпии» – дебютный сезон во втором дивизионе. Я и сам Слуцкого вообще не знал – первый раз там увидел. Но мне удалось привести доводы, что он не заслуживает самого жесткого наказания.

Тут поспособствовало и его собственное выступление на КДК. Он не просто извинился и признал свои ошибки. Это могло бы и не подействовать – так делали многие. Но все его выступление было очень искренним и интеллигентным – люди поняли, что произошло, и пропитались к нему симпатией. На первое место вышли человеческие качества Леонида. В итоге члены КДК взяли за основу мою оценку и единогласно проголосовали лишь за полугодовую дисквалификацию – меньше быть просто не могло. И правильно сделали, потому что большие Слуцкий никогда и близко не позволял себе никакой агрессии в адрес арбитров.

Кстати, главного судью после того эпизода отстранили от работы, а потом просто перестали привлекать к обслуживанию матчей. Большие он ни одной игры на профессиональном уровне не отработал. Не буду ничего говорить о предвзятости, но качество его работы не соответствовало требованиям даже второй лиги. Оно могло быть связано с неумением, с тем, что я называю ремесленничеством. Отношение этого товарища к своему делу нас не устроило.

Прошло время, я уже и забыл о том эпизоде. И когда спустя годы Леонид Викторович, который рос как тренер и уже работал в премьер-лиге, увидел меня и сказал: «Я помню!» – сначала даже не понял, о чем он. Он напомнил. И тогда я лишний раз понял, насколько это порядочный человек».

Вот что такое – судьба. А если бы КДК тогда влепил Слуцкому многолетнюю, а то и пожизненную дисквалификацию?..

«В эти полгода дисквалификации не происходило ничего особенного, – вспоминает дальше Слуцкий. – Я продолжал исполнять роль главного тренера, просто сидел на трибуне. Все-таки это вторая лига, кто там будет следить, зашел я в раздевалку или нет? И в конце сезона Чувальский объявил мне, что я больше не буду работать главным тренером «Олимпии». Особо не объясняя причин. Но я понимал, почему Николай Николаевич меня убирает. Потому что там зрели очень большие барыши с продаж игроков. А никак со мной не расплатиться было бы совсем некультурно.

Конечно, я тоже не подарок. В последние годы, например, был с ним уже достаточно дерзок, часто хамил, выражал какое-то недовольство. Когда ты много лет где-то работаешь, чего-то – как тебе кажется – на этом уровне добиваешься, то тоже становишься несколько иным. Может, Чувальского раздражала эта моя манера поведения.

В результате он меня из «Олимпии» уволил. Формально все было оформлено как мой уход по собственному желанию, все чинно-благородно. Если быть до конца честным, он предложил мне административную должность – вице-президента «Олимпии». Но это была форма увольнения: как известно, хочешь человека убрать – повысь его. Потому что это принуж-

дало меня отдать свою команду. Вице-президент «Барселоны» – это круто. А вице-президент «Олимпиады» – может, тоже неплохо, но я был тренером и не видел себя в другой профессии. Он прекрасно понимал, что я на это не соглашусь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.